В. А. Крутецкая

СРЕДНЯЯ ШКОЛА

РАЗБОР СТИХОТВОРЕНИЙ ШКОЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

8–11 КЛАССЫ

ЛИТЕРА

- История создания произведения
- Тема, композиция, особенности художественной речи
- Выразительные средства языка

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Учебное пособие поможет школьникам выполнить одно из самых сложных заданий по литературе – разбор стихотворений, изучаемых школьной программой. В план характеристики лирического произведения входит история его создания, определение темы, композиции, особенностей художественной речи, размера и рифмы, а также выразительных средств языка, использованных автором (эпитетов, метафор, аллегорий и т. д.).

- Валентина Крутецкая
  - А. С. Пушкин
    - К Чаадаеву (1818)
    - «Погасло днéвное светило…» (1820)
    - Узник (1822)
    - Зимний вечер (1825)
    - «Я помню чудное мгновенье…» (1825)
    - Пророк (1826)
    - «Во глубине сибирских руд…» (1827)
    - Арион (1827)
    - Анчар (1828)
    - Зимнее утро (1829)
    - «Я вас любил: любовь ещё, быть может…» (1829)
    - Осень (1833) (Отрывок)
    - «…Вновь я посетил…» (1835)
    - «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» (1836)
  - М. Ю. Лермонтов
    - Парус (1832)
    - «Я не унижусь пред тобою…» (1832)
    - Смерть Поэта (1837)
    - «Когда волнуется желтеющая нива…» (1837)
    - Бородино (1837)
    - Поэт (1838)
    - Дума (1838)
    - Три пальмы (1839) (Восточное сказание)
    - Тучи (1840)
    - «Как часто, пёстрою толпою окружён…» (1840)
    - Завещание (1840)
    - Утёс (1841)
    - «Выхожу один я на дорогу…» (1841)
    - Родина (1841)
    - Пророк (1841)

- Н. А. Некрасов
  - Тройка (1846)
  - «Вчерашний день, часу в шестом…» (1848)
  - Несжатая полоса (1854)
  - Размышления у парадного подъезда (1858)
  - Железная дорога (1864)
  - Элегия (1874)
- Ф. И. Тютчев
  - Фонтан (1836)
- А. А. Фет
  - «Шёпот, робкое дыханье…» (1850)
- А. А. Блок
  - «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо…» (1901)
  - «Вхожу я в тёмные храмы…» (1902)
  - «Мы встречались с тобой на закате…» (1902)
  - Незнакомка (1906)
  - «О доблестях, о подвигах, о славе…» (1908)
  - Поэты (1908)
- С. А. Есенин
  - «Гой ты, Русь моя родная…» (1914)
  - Песнь о собаке (1915)
  - «Я последний поэт деревни…» (1920)
  - «Не жалею, не зову, не плачу…» (1921)
  - Письмо к матери (1924)
  - «Отговорила роща золотая…» (1924)
- В. В. Маяковский
  - Послушайте! (1914)
  - Лиличка! (1916)
  - Хорошее отношение к лошадям (1918)
  - Прозаседавшиеся (1922)
- Н. С. Гумилёв
  - Жираф (1907)
- А. А. Ахматова
  - Творчество (1936)

Валентина Крутецкая
Разбор стихотворений школьной программы по литературе 8—11 классы

А. С. Пушкин

К Чаадаеву (1818)

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит ещё желанье,
Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждём с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждёт любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Это стихотворение – одно из самых известных политических произведений Александра Сергеевича Пушкина. Оно написано в жанре дружеского послания. В XIX веке это был распространённый литературный жанр, к которому Пушкин обращался нередко. Дружеское послание подразумевает предельную искренность, но это вовсе не означает, что стихотворение создано только для названного лица – оно обращено к широкому кругу читателей.

Известно, что Пушкин не планировал публиковать послание «К Чаадаеву». Однако стихотворение, записанное со слов поэта во время чтения в узком кругу друзей, стало передаваться из рук в руки и вскоре сделалось широко известным, хотя опубликовано оно было лишь в 1829 году. Благодаря ему за автором закрепилась слава вольнодумца, а стихотворение до сих пор называют литературным гимном декабристов.

Стихотворение адресовано одному из замечательнейших людей своего времени и близкому другу Пушкина – Петру Яковлевичу Чаадаеву. В 16 лет Чаадаев вступил в гвардейский

Семёновский полк, с которым прошёл путь от Бородина до Парижа. В 1818 году, когда было написано стихотворение, он служил в лейб-гвардии гусарском полку, позже стал известным философом и публицистом. Он был для Пушкина образцом приверженности освободительным идеям (в 1821 году Чаадаев стал членом тайного декабристского общества «Союз благоденствия»).

В первых строчках послания «К Чаадаеву» содержится намёк на беззаботную юность двух молодых людей. Мирные наслаждения и забавы, надежды на счастье, мечты о литературной славе связывали друзей:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман…

Эпитет *тихая* (слава) свидетельствует о том, что друзья мечтали о тихом, мирном счастье. Говоря о том, что «юные забавы» исчезли, Пушкин приводит ёмкое и яркое сравнение: «как сон, как утренний туман». И в самом деле, ни от сна, ни от утреннего тумана не остаётся ничего.

В этих строках сквозит явное разочарование правлением Александра I. Известно, что первые шаги молодого императора вселили в подданных надежду, что его царствование будет либеральным (Александр I даже обсуждал с ближайшими друзьями планы превращения России в конституционную монархию), однако надежда эта не оправдалась. В условиях политического гнёта и бесправия «тихая слава» была просто невозможна.

Дальше поэт говорит: «Мы ждём… минуты вольности святой». Эпитет *святая* свидетельствует о высоком понимании «вольности». Сравнение: «Как ждёт любовник молодой / Минуты верного свиданья», – подчёркивает страстное желание поэта дождаться «вольности святой» и даже уверенность в осуществлении этого (*верное* свиданье).

В стихотворении противопоставляются два образа: «власть роковая» и «отчизна»:

Под гнётом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.

Большую силу приобретает эпитет *роковая* (власть) – жестокая, бесчеловечная. А родину поэт называет *отчизной*, выбирая из ряда синонимов самое интимное и душевное значение.

Важно отметить, что поэт говорит не только о своих чувствах – он выражает мысли и желания многих своих единомышленников: «Но в *нас* горит ещё желанье»; «*Мы* ждём с томленьем упованья».

Что же означает «звезда пленительного счастья», которая должна взойти? В политической лексике той эпохи слово «звезда» часто символизировало революцию, а восход звезды – победу в освободительной борьбе. Недаром декабристы Кондратий Рылеев и Александр Бестужев назвали свой альманах «Полярная звезда». Разумеется, Пушкин не случайно выбрал это слово в послании, обращённом к своим друзьям.

Обращаясь к читателю с пламенным призывом: «Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы», – поэт выражает уверенность в том, что «Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / / Напишут наши имена!». Слова «обломки самовластья» означают грядущее падение самодержавия. Поэт призывает к самоотверженному служению родине, к борьбе за свободу. Для него понятия «патриотизм» и «свобода» неотделимы друг от друга. Но Пушкин понимает, что добровольно пойти на уступки царь не согласится. Именно поэтому в последних строчках стихотворения содержится открытый призыв к борьбе с самодержавием. Так открыто и смело подобная идея была высказана впервые.

Послание «К Чаадаеву» участники общества «Союз благоденствия» восприняли как призыв к действию. Впоследствии, когда восстание декабристов потерпело поражение, многие представители знатных дворянских фамилий были сосланы в Сибирь. Пушкин понимал, что и он мог бы разделить их участь, ведь именно его стихотворение, его страстный призыв вдохновляли будущих декабристов. Вот почему в истории имя Пушкина неразрывно связано с декабристами.

Послание «К Чаадаеву» включает в себя целый ряд слов, характерных для политической лексики пушкинской эпохи: «отчизна», «свобода», «честь», «власть», «самовластье». Поэт употребляет слова высокого литературного ряда: «внемлем», «упованье», «вспрянет», и это соответствует высокому пафосу, которым проникнуто всё произведение.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом.

«Погасло днéвное светило…» (1820)

Погасло днéвное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный…
И чувствую: в очах родились слёзы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман…
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы младые,
Подруги тайные моей весны златыя,
И вы забыты мной… Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило…
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан…

Для анализа этого стихотворения важно знать историю его создания и вспомнить некоторые факты из жизни Александра Сергеевича Пушкина.

Элегия «Погасло дне́вное светило…» написана молодым поэтом (ему едва исполнился 21 год). Два года после окончания Лицея были насыщены для Пушкина разными событиями: быстро росла его поэтическая известность, но и тучи сгущались тоже. Его многочисленные эпиграммы и острые политические произведения (ода «Вольность», стихотворение «Деревня») привлекли внимание правительства – обсуждался вопрос о заключении Пушкина в Петропавловскую крепость. Лишь благодаря хлопотам друзей поэта – Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева и других – удалось смягчить его участь: 6 мая 1820 года Пушкина отправили в ссылку на юг. По дороге он серьёзно заболел, но, к счастью, генерал Н. Н. Раевский добился разрешения взять поэта с собой к морю на лечение.

Путешествие с семейством Раевских Пушкин называл счастливейшим временем в своей жизни. Поэт был очарован Крымом, счастлив дружбой с людьми, которые окружили его заботой и любовью. Он впервые увидел море.

Элегия «Погасло дне́вное светило…» была написана ночью 19 августа 1820 года на борту парусного корабля, подплывавшего к Гурзуфу.

В стихотворении поэт оглядывается назад и с горечью признаёт, что много душевных сил потратил впустую. В его признаниях, конечно, много юношеского преувеличения; он утверждает, что «рано в бурях отцвела» его «потерянная младость». Но в этом Пушкин следует моде – молодым людям того времени нравилось быть «охлаждёнными» и «разочарованными» (во многом виноват Байрон, английский поэт-романтик, овладевший умами и сердцами молодёжи).

Однако пушкинская элегия не только дань увлечению Байроном. В ней запечатлён переход от беспечной юности к зрелости. Это стихотворение значительно прежде всего тем, что поэт впервые использует приём, который станет впоследствии одной из отличительных черт всего его творчества. Так же как в ту южную ночь, возвращаясь к пережитому и подводя какие-то итоги, Пушкин всегда будет честно и искренне разбирать свои мысли и поступки.

Стихотворение «Погасло дне́вное светило…» называют элегией. Элегия – поэтическое произведение, содержание которого составляют раздумья с оттенком лёгкой грусти.

Произведение начинается с короткого вступления; оно вводит читателя в обстановку, в которой будут проходить размышления

и воспоминания лирического героя:

Погасло днéвное светило;
На море синее вечерний пал туман.

Основной мотив первой части – ожидание встречи с «волшебными краями», где всё обещает лирическому герою счастье.

Ещё неизвестно, какое направление примут мысли одинокого мечтателя, но читатель уже настроен на торжественный лад непривычной для будничного обихода лексикой. Автор использует слово «ветрило» вместо «парус», «дневное» вместо «дневное», «океан» вместо «Чёрное море». Есть и ещё одна выразительная черта, на которой останавливается внимание, – эпитет *угрюмый* (океан). Эта черта не только переход ко второй части – она накладывает впечатление на всё стихотворение и определяет его элегическое настроение.

Вторая часть – полный контраст с первой (типичный приём для романтического произведения). Автор посвящает её теме горестных воспоминаний о бесплодно растраченных силах, о крушении надежд. Лирический герой рассказывает, какие чувства владеют им:

И чувствую: в очах родились слёзы вновь;
Душа кипит и замирает…

Он вспоминает «прежних лет безумную любовь», «желаний и надежд томительный обман».

Поэт говорит, что он сам порвал с шумной суетой Петербурга и не удовлетворявшей его жизнью:

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья…

И хотя в действительности это было совсем не так (Пушкина выслали из столицы), главное для поэта в том, что для него началась новая жизнь, которая дала ему возможность осмыслить своё прошлое.

Третья часть элегии (всего две строчки) возвращает лирического героя в настоящее время – любовь, несмотря на

разлуку, продолжает жить в его сердце:

Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило…

В первой части говорится о настоящем, во второй – о прошлом, в третьей – снова о настоящем. Все части связаны повторяющимися строчками:

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Приём повтора придаёт стихотворению стройность.

Значительна тема моря, которая пронизывает всё стихотворение. «Океан» – это символ жизни с её бесконечными волнениями, радостями и тревогами.

Как и во многих других произведениях, Пушкин пользуется одним из любимых своих приёмов – прямым обращением к воображаемому собеседнику. Сначала лирический герой обращается к морю (это повторяется трижды), затем к «минутным друзьям» и на всём протяжении стихотворения – к самому себе и к своим воспоминаниям.

Чтобы создать атмосферу приподнятости и торжественности, показать, что речь идёт о важном и значительном, автор вводит в текст архаизмы: (*очи; воспоминаньем упоенный; брега; сердце хладное; отечески края; златая весна; потерянная младость*). При этом язык элегии прост, точен и приближен к обычной разговорной речи.

Автор использует выразительные эпитеты, которые раскрывают нам понятия с новой, неожиданной стороны (*томительный* обман; *грозная* прихоть *обманчивых* морей; *туманная* родина; *нежные* музы; *легкокрылая* радость), а также сложный эпитет (*искатель новых впечатлений*).

Метафоры в этом стихотворении понятные и простые, но вместе с тем свежие, впервые найденные поэтом (*мечта летает; младость отцвела*).

Стихотворение написано неравностопным ямбом. Такой размер даёт возможность передать стремительное движение мысли автора.

Узник (1822)

Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном,
Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!
Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер… да я!..»

Стихотворение написано в период южной ссылки Пушкина. Поэт жил в Кишинёве под присмотром наместника Бессарабии генерала И. Н. Инзова. Там он был назначен на должность коллежского секретаря в местной канцелярии. Это назначение свободолюбивый поэт воспринял как оскорбление, а свою жизнь в Кишинёве – как заточение. Сказывалось и отсутствие друзей. Окна нижнего этажа дома, где жил Пушкин, закрывались чугунными решётками. Из окон ему виден был прикованный цепью за лапу орёл. Комната казалась поэту тюрьмой. Под влиянием всех этих впечатлений и настроений родилось стихотворение «Узник». Оно невелико по объёму – в нём всего двенадцать строк. По форме оно напоминает фольклорное произведение, поэтому так легко впоследствии стало песней. Стихотворение делится на две части, отличающиеся друг от друга интонацией и тоном. Части не контрастны, но в них постепенно возрастают и усиливаются чувства.

Главные герои стихотворения – узник и орёл. Оба они узники: один сидит «за решёткой в темнице сырой», другой – «под окном», там, где не может находиться вольная птица. Потому и называет его узник своим «грустным товарищем». Орёл «кровавую пищу клюёт под окном» – «клюёт и бросает», потому что эта пища не добыта им в свободной охоте, а дана хозяином и не имеет для него ценности.

Они товарищи по несчастью, и потому стремления и мечты у них общие. Орёл лишён небесного простора и свободного полёта. Силы, энергия молодого узника не могут проявиться, истощаются в бездействии.

Поэт нарисовал нашему воображению яркие картины: душная и сырая темница, а за её пределами – свет, воля, свободный ветер, морские просторы, горные вершины. Он использует художественные приёмы, характерные для романтизма: небольшой объём стихотворения, романтические образы героев и природы. Поэт выбирает яркие эпитеты (темница *сырая;* орёл *молодой; вольная* птица). Он сравнивает себя с молодым орлом. Это сравнение усиливает противоречие между его физическим заключением и рвущейся улететь душой. Здесь же автор создаёт красивую метафору: чтобы подчеркнуть безвыходность своего положения, проводит параллель с орлом, вскормлённым в неволе.

Силу своего стремления к свободе поэт показывает приёмом повтора: три строчки начинает одним и тем же словом – *туда*. По природе своей и человек, и птица должны быть свободны, потому что это естественное состояние каждого живого существа.

Идея стихотворения – призыв к свободе, несмотря на то, что в нём ни разу не встречается само слово *свобода*. Но ощущение свободы есть. Оно передано художественными средствами, например олицетворением: «…гуляем лишь ветер… да я!..».

В стихотворении орёл зовёт узника «туда, где синеют морские края». И действительно, вскоре поэт подал прошение о переводе его на службу в Одессу. Этот шаг был вызван стремлением хоть что-то изменить в своей судьбе и поступить наперекор властям, нарушив их прямой приказ. Перевод в Одессу не изменил судьбу поэта – он по-прежнему жил в ссылке, но позволил ему доказать, что лишь он сам вправе распоряжаться собственной жизнью.

Стихотворение написано четырёхстопным амфибрахием.

Зимний вечер (1825)

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.
Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Стихотворение написано в Михайловском, в ссылке. Опальный поэт находился в это время вдали от друзей, разделявших его мысли и чувства. О каждом своём шаге он был обязан сообщать губернскому начальству. Дни поэта были заняты работой и чтением. Особенно трудно давалась долгая и суровая зима. В занесённом снегом Михайловском была лишь одна родная душа – няня Арина Родионовна. В один из таких зимних

вечеров Пушкин и написал стихотворение, обращённое к ней.

Начинается оно с очень яркого и образного описания снежной бури, которая словно бы отрезает поэта от всего внешнего мира. Именно так Пушкин чувствовал себя под домашним арестом. Легко представить себе картину, изображённую в стихотворении: поздний зимний вечер, на дворе воет метель, а в комнате потрескивает затопленная няней печка.

Композиционно стихотворение можно разделить на четыре части (по строфам).

Первая часть целиком посвящена вьюге (или, как называет её автор, буре). Сколько разных оттенков использует для её описания поэт! Он не довольствуется обычными словами: «выла вьюга», – он нашёл яркие зрительные и слуховые образы. Вот какие у него зрительные впечатления: небо покрыто мглою, неистовый ветер крутит в поле снежные вихри. Слух автора различает множество оттенков: то завывание дикого зверя (наверное, волка), то плач ребёнка, то шорох соломенной крыши, то стук в окошко заблудившегося путника. Вся первая часть наполнена разнообразными движениями вьюги. Это достигнуто использованием многочисленных глаголов: буря «кроет небо», «крутит вихри», «плачет», «воет», «шуршит соломой», «стучит в окошко». В этой части поэт использует звукоподражание: завывание метели имитируют часто встречающиеся звуки *у, р*: (*бу**р**я, вихр**и**, к**р**утя, зве**р**ь)*. Ударение в словах падает преимущественно на звуки *а* или *о* – это тоже прекрасно передаёт завывание вьюги.

Вторая и третья части стихотворения целиком обращены к няне, к «доброй подружке». Они вдвоём в занесённом снегом доме, их душевное состояние очень похоже. Вопрос: «Что же ты, моя старушка, / Приумолкла у окна?» – лирический герой, наверное, мог бы обратить и к себе.

Поэт высказывает различные предположения, почему няне грустно:

> Или бури завываньем
> Ты, мой друг, утомлена,
> Или дремлешь под жужжаньем
> Своего веретена?

Мы видим противостояние мира внешнего и внутреннего – мира бушующей стихии и мира «ветхой лачужки». Образ «ветхой лачужки» или «хижины» был традиционен для русской поэзии XVIII – начала XIX века. В творчестве Пушкина образ дома необыкновенно значителен. Дом для поэта – это такое место, где

лирический герой защищён от всех ударов судьбы и любых невзгод. Внешний мир тёмен и холоден, в нём много дисгармонии: буря плачет и завывает, как зверь, наверное, пытаясь проникнуть в дом. Может быть, буря – не только явление природы? Может быть, дерзкое и злобное кружение метели за окном – образ судьбы, обрекающей поэта на одиночество? Но не в характере Пушкина предаваться печали. И хотя дом – всего лишь «ветхая лачужка», но есть средство выстоять и не пасть духом:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.

В четвёртой части стихотворения домашний уют, душевное тепло оказываются сильнее разбушевавшейся вьюги, сильнее недоброй судьбы.

Пушкин использует различные средства художественной выразительности. Он употребляет эмоциональные эпитеты (*добрая* подружка; *бедная* юность), образные сравнения и метафоры-олицетворения (*как зверь, она завоет; заплачет, как дитя*…).

Стихотворение написано четырёхстопным хореем, восьмистишиями, рифма – перекрёстная.

«Я помню чудное мгновенье…» (1825)

*К****

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.
Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.
В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без Божества, без вдохновенья,
Без слёз, без жизни, без любви.
Душе настало пробужденье,
И вот опять явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слёзы, и любовь.

Стихотворение посвящено Анне Петровне Керн. В его основу положены реальные факты биографии Александра Сергеевича Пушкина.

Стихотворение разделено на три равные части – по две строфы. Каждая часть пронизана особым тоном и настроением. Первая часть посвящена воспоминанию о первой встрече: «Я помню чудное мгновенье…». Вторая часть начинается со слов: «Шли годы…». Дни ссылки тянулись долго и томительно, и время стёрло из памяти «небесные черты». Третья часть рассказывает об удивительном пробуждении души лирического героя – о том, как охватил его порыв прежних светлых чувств.

Описывая первую встречу со своей возлюбленной, поэт выбирает яркие, выразительные эпитеты (*чудное* мгновенье;

мимолётное виденье). Пушкин не рисует портрет Анны Керн. Он даёт читателю лишь обобщённый образ – «гений чистой красоты» (слово *гений*, которое повторяется дважды, в то время употреблялось в поэтическом языке в значении *дух* или *образ*). Возникший в первой строфе образ чистой красоты воспринимается как символ красоты и поэзии самой жизни. Любовь для поэта – это глубокое, искреннее, волшебное чувство, которое полностью захватывает его.

Следующие три строфы рассказывают об изгнании поэта – о тяжёлом времени в его судьбе, полном жизненных испытаний. Пушкин называет это время «томленьем грусти безнадежной». Это и взросление, и расставание с юношескими идеалами, когда «бурь порыв мятежный рассеял прежние мечты». Казалось, что жизненные невзгоды навсегда изгладили из памяти радостное юношеское видение. В ссылке – «в глуши, во мраке заточенья» – жизнь поэта словно замерла и потеряла смысл.

«Мрак заточенья» – это не просто биографический намёк. Это образ неволи, которая лишала жизнь поэта всех её радостей. Для него невозможно жить «без Божества, без вдохновенья». Божество, вдохновение, слёзы, жизнь, любовь Пушкин ставит в один ряд, потому что они символизируют полноту и яркость чувств, светлую сторону бытия – всё, что противоположно «мраку заточенья».

Но как ни тяжелы испытания, выпавшие на долю поэта, какой безысходной ни кажется жизнь во «мраке заточенья», душа поэта всегда готова откликнуться на зов красоты.

И в пятой строфе поэт рассказывает о своём возрождении: «Душе настало пробужденье…» – он снова чувствует вдохновение, желание творить, вновь встречает свою прекрасную Музу. Вот почему эта строфа очень похожа на первую – к поэту возвращается мимолётное и прекрасное видение его юности, которое так дорого его сердцу.

Музыкальность, всегда свойственная поэзии А. С. Пушкина, в послании к А. П. Керн достигает высшей степени совершенства. Поэзия Пушкина вдохновляла многих композиторов – на его стихи написано более 60 романсов. Романс «Я помню чудное мгновенье» был написан в 1825 году Н. С. Титовым, на те же стихи в 1829 году написал романс композитор А. А. Алябьев, а в 1832 году был создан самый известный романс М. И. Глинки.

Стихотворение написано пятистопным ямбом с перекрёстной рифмой. Из шести строф стихотворения четыре построены на мягкой женской рифме: «енье». Это звукосочетание повторяется восемь раз.

Пророк (1826)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами лёгкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Стихотворение было написано в Михайловском летом 1826 года, уже после того, как Пушкин узнал о казни декабристов. 4 сентября в Михайловское прискакал фельдъегерь с приказом: Пушкин должен был немедленно ехать в Москву, где в это время находился Николай I. В Москве поэт был тут же доставлен к императору. Отправляясь на аудиенцию к Николаю I, Пушкин взял с собой текст стихотворения «Пророк».

Поэт сознавал, что обладает огромным влиянием на современников. Образ библейского пророка, поучающего и

спасающего свой народ, послужил Пушкину поводом для философского размышления о назначении поэта. Стихотворение можно назвать поэтической декларацией А. С. Пушкина. В этом произведении он определил особую миссию поэта в обществе, сходную с ролью библейских пророков, – нести людям высшую, Божественную истину. Главная тема – особая роль поэта и назначение поэзии.

В основу сюжета положена VI глава библейской книги пророка Исайи. В ней рассказывается о явлении серафима – ангела, посланца Бога. Главное качество серафима – его очищающая сила. После очищения Господь посылает пророка Исайю проповедовать людям правду Божию. Пушкин во многом сохраняет и структуру, и смысл библейского предания. В начале стихотворения он описывает одинокого полумёртвого путника: «…В пустыне мрачной я влачился…». Потом – появление серафима: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился». С этого момента начинается духовное перерождение человека – серафим преображает его, убирая всё человеческое, грешное. Он открывает ему глаза и уши: «Моих зениц коснулся он. / Отверзлись вещие зеницы…»; «Моих ушей коснулся он, / И их наполнил шум и звон…». Он даёт путнику мудрый язык: «И вырвал грешный мой язык… / И жало мудрыя змеи… / В уста… мои / Вложил…».

Чтобы стать пророком, говорит автор, надо обладать необыкновенной восприимчивостью – острым зрением и слухом. Особое значение приобретает язык, потому что это главное орудие пророка. Но и этого ещё мало:

> И он мне грудь рассёк мечом,
> И сердце трепетное вынул,
> И угль, пылающий огнём,
> Во грудь отверстую водвинул.

Чтобы стать пророком, надо отрешиться от «трепетного» человеческого сердца, потому что придётся нести людям разную правду – страшную и горькую тоже. Но даже после всего этого перерождения свою миссию пророк сможет выполнить только тогда, когда сам Бог вдохнёт в него силу. Заканчивается стихотворение воззванием Бога к новому пророку:

> «Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
> Исполнись волею моей,
> И, обходя моря и земли,
> Глаголом жги сердца людей».

Бог посылает поэта-пророка в мир, чтобы тот нёс людям Его истину. На поэта возложена особая миссия, которую он обязан выполнять, как бы тяжело ему это ни было. Поэтическая аллегория раскрывает главный вывод: истинный поэт – это человек, которому открыты все тайны бытия; его язык лишён лжи, а его назначение определено самим Богом.

Пророки у древних не только вожди, но и глашатаи самых высоких истин. По мнению Пушкина, таким должен быть настоящий поэт – избранник, провидец и учитель, призванный служить своему народу. Он должен глаголом жечь сердца людей.

Созданию высокого образа поэта-пророка соответствует торжественный одический стиль.

Он создаётся лексическими и синтаксическими средствами. Автор включил в стихотворение много церковнославянизмов (*персты, зеницы, уста, виждь, внемли*), архаичная лексика придаёт стихотворению особую торжественность и силу.

«Пророк» – стихотворение о высоком назначении поэта и поэзии, и эта высота требовала сравнений с образами самыми возвышенными: Бог, пророк, серафим.

Воспроизводя одну из особенностей синтаксиса Библии, Пушкин использует анафоры: 16 строк стихотворения начинаются с союза «*И*». Такое повторение нагнетает напряжение, связанное с муками перерождения человека.

Особую яркость и эмоциональность придают эпитеты высокого стиля (*лёгкие* персты; *вещие* зеницы; *празднословный* язык; *мудрыя* жало; *замершие* уста; *трепетное* сердце).

Автор использует метафоры (*глаголом жги сердца* людей) и сравнения (отверзлись вещие зеницы, *как у испуганной орлицы*; перстами *лёгкими, как сон; как труп* в пустыне я лежал).

В стихотворении встречается много шипящих звуков – так создана атмосфера длительных и мучительных страданий героя.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом без деления на строфы.

Продолжая традиции од М. Ломоносова и Г. Державина, Пушкин впервые в русской литературе утвердил особую роль поэта. Эту тему продолжил М. Лермонтов в своём «Пророке», а затем её подхватили Ф. Достоевский, Л. Толстой и многие другие писатели. В XX веке поэт Е. Евтушенко продолжил размышления Пушкина, определив назначение поэта словами: «Поэт в России – больше чем поэт».

«Во глубине сибирских руд…» (1827)

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«Во глубине сибирских руд…» – послание поэта к отправленным на каторгу друзьям-декабристам. Осенью 1826 года, уже после жестокой расправы с декабристами, Николай I возвратил Пушкина из ссылки, и они имели продолжительную беседу с глазу на глаз. Царь уверил поэта в том, что он искренне желает использовать свою власть во благо и процветание народа и просил помочь ему в этом своим творчеством. Пушкин прислушался к мнению царя, но от своих прежних убеждений не отрёкся. Не отрёкся он и от друзей-декабристов.

К тому же поэт был особенно впечатлён поступком жён декабристов – многие из них пренебрегли положением в свете, богатством, знатностью и разделили судьбу своих мужей. Пушкин передал своё дружеское послание с женой декабриста Никиты Муравьёва, которая тоже уезжала в Сибирь вслед за сосланным мужем.

В стихотворении чувствуется не только стремление поэта утешить своих друзей, но и глубокое восхищение ими. Для Пушкина их думы – «высокие», их терпение – «гордое», их труд – «скорбный», а меч дожидается их возвращения из неволи.

Послание написано в высоком стиле. В нём много абстрактных образов: Несчастье, Надежда, Свобода, Любовь, Дружество. Поэт рисует мрачное пространство, в котором

оказались герои, используя для этого особую лексику: «мрачное подземелье», «темницы», «каторжные норы», «оковы тяжкие». Эти образы создают трагическую атмосферу несчастья, постигшего его друзей.

Но лирический герой уверен, что у несчастья всегда есть верная сестра – надежда. И он верит в человека-борца, который способен в самых тяжёлых условиях сохранить в себе не только «гордое терпенье», но и верность своим идеалам – «дум высокое стремленье». «Любовь и дружество», «свободный глас» способны поддержать ссыльных, помочь им переносить тяжесть каторги. И ещё поэт выразил свою уверенность в том, что рано или поздно справедливость восторжествует, «оковы тяжкие падут, темницы рухнут».

Но не об амнистии, не о прощении, не о возвращении декабристов из ссылки говорит поэт. «Не пропадёт ваш скорбный труд / И дум высокое стремленье!» – восклицает он. В этом «не пропадёт» открывается иной смысл – речь идёт о торжестве высоких идей.

Финал стихотворения звучит оптимистично. Пламенное послание Пушкина очень поддержало декабристов и стало одним из немногих радостных событий их каторжной жизни.

Ключевым словом в стихотворении является слово *свобода*. Это же слово было начертано на знамёнах декабристов. Это послание поэтически утверждает то, за что они боролись. И друзья откликнулись на послание Пушкина – поэт-декабрист Александр Одоевский написал в ответ стихи, которые заканчивались так:

Наш скорбный труд не пропадёт:
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.

Стихотворение Пушкина написано четырёхстопным ямбом. Стопа двусложная с ударением на втором слоге.

Арион (1827)

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны вёсла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчанье правил грузный чёлн;
А я – беспечной веры полн,
Пловцам я пел… Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный…
Погиб и кормщик и пловец!..
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

А. И. Герцен так написал о времени, наступившем после разгрома восстания декабристов: «Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть. Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений. Эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдалённому будущему».

Центральное событие стихотворения А. С. Пушкина «Арион» – «вихорь шумный», который разбил корабль и унёс жизни кормщика и пловцов. Так метафорически изобразил поэт восстание своих друзей-декабристов и его разгром.

В основу стихотворения положен известный древнегреческий миф о певце Арионе, который, путешествуя по свету, исполнял перед знатной публикой лирические баллады. Однажды певцу преподнесли сундук с несметными богатствами, с которыми он отправился на корабле на остров Коринф. Чтобы завладеть богатствами Ариона, моряки выбросили его за борт корабля. Но в море певца спас дельфин.

Для того чтобы приблизить миф к современным событиям, Пушкин изменил его. В мифе корабельщики – враги Ариона, а у Пушкина Арион – член команды. В мифе Арион был спасён дельфином, а у Пушкина после гибели корабля он «на берег выброшен грозою».

В стихотворении пловцы на челне – общество декабристов, член которого и сам лирический герой. Автор изобразил «умного

кормщика», ведущего чёлн, силу и сплочённость пловцов, которые выполняют свою работу, чтобы достичь цели: «Иные парус напрягали, / Другие дружно упирали / В глубь мощны вёсла…». А чудом спасшийся Арион – поэт. Он певец декабристских идей: «А я – беспечной веры полн, / Пловцам я пел…». Поэт уверен, что его талант, его песни помогают друзьям.

Аллегория, использованная автором стихотворения, прозрачна и понятна. Пушкин, действительно, оказался одним из тех немногих, которые по счастливой случайности были «выброшены на берег» и не подверглись репрессиям. Декабристы ценили литературный дар Пушкина и, чтобы не подвергать его опасности, многое скрывали от своего друга (он не знал назначенной даты готовящегося восстания на Сенатской площади).

Для Пушкина события 1825 года были настоящей трагедией – штормом, кораблекрушением. Так же, как и поэт, Арион избежал гибели в этом шторме – он был «на берег выброшен грозою». «Я гимны прежние пою» – в этих словах и верность друзьям-декабристам, и верность своим убеждениям.

Небольшое по объёму произведение всё же можно чётко разделить на две части. В первой части царит спокойствие и гармония – тишину нарушает лишь пение певца и плеск воды под вёслами пловцов. Это превосходно передано звукописью – с помощью аллитерации «щ – ш – сь».

Однако, передавая это спокойствие, автор использует приём умолчания – он ставит многоточие, будто предупреждая об опасности.

И третье предложение начинается со слова *вдруг*, с которого всё меняется – и настроение, и звуковой строй произведения. Налетел ветер такой силы, что чёлн потерпел крушение – его «измял с налёту вихорь шумный».

Автор использует олицетворение и эпитет *шумный*. Меняется звуковой ряд: звуки «лн – влн – мл – нл – мн», «др – х – р – рм – ц» создают картину бури и хаоса. И снова многоточие – эффект умолчания раскрывает весь трагизм случившегося.

«Погиб и кормщик и пловец!» – пишет автор. Здесь намеренно отсутствует запятая перед вторым союзом *и*, как в устойчивом сочетании. Событие расценивается как неизбежность, а трагизм подчёркнут восклицательной интонацией.

Остался в живых лишь «таинственный певец». *Таинственным* лирический герой называет себя не случайно – неизвестно, почему именно он «на берег выброшен грозою». К тому же гроза всегда считалась знаком присутствия какой-то Божественной силы. Может быть, Арион – избранный Богом герой? Он один

выброшен на берег и сушит «ризу влажную». Одно из значений слова *риза* – верхнее облачение священника. Тем самым прослеживается утверждение, которое Пушкин провёл и в других своих произведениях – в стихотворениях «Поэт», «Пророк», «Поэт и толпа». Оно заключается в том, что именно поэт избран Богом для того, чтобы доносить до людей Божественную истину.

Случайно спасшийся певец остался верен своим товарищам, их делу: «Я гимны прежние пою», – заявляет о себе поэт.

Стихотворение написано пятистопным ямбом.

Анчар (1828)

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит – один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мёртвую ветвей
И корни ядом напоила.
Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.
К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт – лишь вихорь чёрный
На древо смерти набежит
И мчится прочь, уже тлетворный.
И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горючий.
Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.
Принёс он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;
Принёс – и ослабел и лёг
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Стихотворение «Анчар» – один из ярких примеров философской лирики А. С. Пушкина. По форме и содержанию оно

похоже на стихотворную притчу, в которой раскрывается природа существующего в мире зла, а также тема рабства и тирании.

В основу положена легенда о смертоносном дереве анчаре. Ядовитый сок этого дерева с незапамятных времён использовался для смазывания наконечников стрел, которыми восточные воины поражали врагов. Добывали этот яд, рискуя жизнью.

Стихотворение Пушкина можно было бы назвать красивой и мрачной средневековой балладой, однако в черновых вариантах поэт недвусмысленно проводил параллель между российским царём и грозным восточным правителем, отправившим на смерть невинного раба.

Композиция построена на приёме антитезы (противопоставления). Стихотворение делится на две части: в первой рассказывается об анчаре, во второй – о человеческих взаимоотношениях. Вторая часть начинается с союза *но*, который ставит чёткую разделительную границу и обозначает резкий контраст.

Главный поэтический образ стихотворения – анчар, пропитанное ядом «древо смерти». Это метафора гигантского, вселенского, космического зла. Анчар окутан тьмой: вокруг него крутится «вихорь чёрный», нет ни солнца, ни света. Он изображён в ореоле мрачного и грозного величия. Листья анчара тоже «дремучие» (тёмные). Он самый зловещий и страшный из всех обитателей пустыни. В мире раскалённых песков он самый могущественный. Природа породила смертоносное дерево в «день гнева». Это страшная ошибка, потому что сама природа сторонится анчара: «к нему и птица не летит, и тигр нейдёт» – ужасное дерево изолировано от всего живого и естественного. Но это не останавливает могущественного владыку, желающего добыть сок анчара. Одним взглядом он направляет к анчару своего раба, зная, что посылает его на верную смерть.

В обществе, основанном на тирании и рабстве, зло становится законом. В черновиках стихотворения видно, как долго Пушкин искал подходящее слово, чтобы выразить противоестественность такого социального устройства. Не царь, не вождь, не князь, а «человека человек» посылает к смертоносному дереву. Человек, который распоряжается не только свободой, но и жизнью другого человека, равного ему от природы. Однако страшно не только то, что тиран полностью властвует над жизнью своего раба, но и то, что раб воспринимает это покорно: он «послушно в путь потек».

Автор выносит приговор обоим – и тирану, и его рабу. Они оба виноваты в распространении зла. Рабство – обратная сторона тирании, и существовать они могут только вместе. Рабство души,

внутренняя несвобода помогают существованию зла.

Раб умирает, но яд, добытый им, принесёт погибель ещё многим людям. Так выражена автором главная идея стихотворения: зло порождает зло. Роль владыки во второй части произведения сходна с ролью анчара в первой – оба несут зло, причём князь заимствует свою смертоносную силу у анчара:

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Анчар убивает всё живое в силу своих природных свойств, а князь – сознательно, злой волей. Так и общество, построенное на рабстве, порождает зло.

Контрастность и противопоставление пронизывает всё произведение: тьма – свет, свобода – рабство, жизнь – смерть.

Ярче других в тексте прослеживается антитеза «владыка – раб». Она выражена эпитетами: (*властный* взгляд; *бедный* раб; *непобедимый* владыка). Глаголы тоже подчёркивают это противопоставление (*послал – потек)*. Чтобы усилить напряжение, автор вводит анафору (***Принёс*** *он смертную смолу…* ***Принёс*** *– и ослабел и лёг*).

Иногда автор соединяет даже, казалось бы, противоположные понятия: например, в словосочетании «зелень мёртвая ветвей» «зелень ветвей» объединена с эпитетом «мёртвая». В стихотворении используются романтические средства поэтической выразительности: мотив одиночества (*Анчар… один во всей вселенной*); романтические эпитеты, передающие драматичность и напряжённость (*грозный* часовой; лист *дремучий*). Романтические эпитеты служат и выражению контраста (вихорь *чёрный;* пустыня *чахлая* и *скупая; жаждущие* степи; зелень *мёртвая; бедный* раб; *непобедимый* владыка).

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом. Ритмику задают и анафоры (***И*** *зелень мёртвую ветвей /* ***И*** *корни ядом напоила;* ***И*** *тот послушно в путь потек /* ***И*** *к утру возвратился с ядом*).

Зимнее утро (1829)

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела, —
А нынче… погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Стихотворение с первой строки погружает читателя в атмосферу чудесного дня: «Мороз и солнце; день чудесный!». А дальше – обращение, призыв, приглашение на прогулку по сверкающим зимним снегам. Поэт выбирает форму диалога с целью передачи интонаций непринуждённого разговора.

Всё в этом стихотворении построено на контрастах и на смене непохожих картин. А каждая картина насыщена простыми, но вместе с тем очень выразительными деталями.

Вторая и третья строфы построены на приёме противопоставления: вторая строфа – это «вчера», а третья – это «сегодня». Вчера злилась вьюга, луна едва виднелась сквозь тучи, и «ты печальная сидела». А сегодня небо голубое, и снег сверкает на ярком солнце. За ночь произошла резкая перемена, и всё вокруг стало неузнаваемым. Но и эти две строфы тоже, в свою очередь, противопоставлены дальнейшему изображению. От картины, которая видна из окна деревенского дома, поэт возвращает нас в комнату, где тепло и уютно и весело потрескивает затопленная печка. Хорошо дома! Но не лучше ли велеть подать сани и «предаться бегу нетерпеливого коня»? Использованы разнообразные выразительные средства языка. Рассказывая о вчерашней погоде, поэт выбирает такие эпитеты: небо – *мутное;* луна – *бледное* пятно; ты *печальная* – всё окрашено в грустный тон. К тому же Пушкин употребляет простую, но говорящую метафору: «вьюга злилась».

А в третьей строфе уже всё залито ярким светом погожего утра и видны такие подробности, которых нельзя было заметить при вчерашней вьюге. Звучные и яркие эпитеты подчёркивают контраст со вчерашним днём (небо *голубое;* ковры снегов *великолепные;* лес *прозрачный*), а также передают радость, которая переполняет поэта (день *чудесный*; друг *прелестный*). Он создаёт красивые зрительные образы: зеленеющая сквозь иней ель, речка, блестящая подо льдом. В третьей строфе использован повтор – анафора (***И*** *ель* – ***И*** *речка*):

И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

А в четвёртой строфе читатель не только видит комнату, озарённую янтарным блеском, но и слышит, как трещит затопленная печь, потому что поэт использует приём звукописи (аллитерации) – играют свою роль твёрдые звуки: *т, р*. Передано ощущение мира и покоя домашнего очага.

В последней строфе Пушкин употребляет интересный эпитет: «предадимся бегу *нетерпеливого* коня». Почему же автор назвал коня *нетерпеливым*?

Отвечая на этот простой вопрос, можно представить реальную живую картину. Наверное, коню не стоится на месте, потому что его пощипывает мороз, он тоже охвачен ощущением бодрого зимнего утра и рвётся вперёд. Обо всём этом рассказало одно лишь умело выбранное автором слово.

Чувство радости поэта в стихотворении всё время растёт и требует движения – вот ему уже хочется навестить милые сердцу

места.

Поэт соединяет слова разных стилей: высокие, книжные (*Аврора, прелестный, озарена, нега, взор, явись*), разговорные (*лежанка, санки, кобылка*), диалектные (*вечор, запречь*). А сам автор стихотворения предстаёт перед нами добрым, простым, близким народу человеком – это достигнуто и языком (выбранной поэтом лексикой, употреблением коротких предложений и обращений), и темой, и общим тоном.

Всё произведение написано светлыми, жизнерадостными красками, такими характерными для творчества А. С. Пушкина.

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом.

«Я вас любил: любовь ещё, быть может…» (1829)

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

Это стихотворение часто называют маленькой повестью о неразделённой любви, хотя в нём всего лишь восемь строк. Но только по-настоящему гениальный поэт мог создать такое вдохновенное произведение.

Одни литературоведы полагают, что стихотворение адресовано блестящей светской красавице Каролине Собаньской, другие сходятся во мнении, что оно посвящено Анне Олениной, в которую Пушкин был влюблён.

Не всегда важно анализировать стихотворение, опираясь на биографию автора, потому что в любовной лирике создаётся условный поэтический образ лирического героя. Не всегда его можно отождествлять с автором, но лирический герой является носителем его взглядов, отношения к людям, к жизни.

Жанр стихотворения – обращение. Это разговор лирического героя с любимой. Тема стихотворения – любовь. Любовь неразделённая и безответная, поражающая нас своим благородством.

Для передачи глубины своего чувства Пушкин использует самые разнообразные средства выразительности языка. Трижды в начале строк повторяется фраза: «Я вас любил». Такой композиционный приём называется анафорой.

Важно заметить, что все глаголы в стихотворении даны в форме прошедшего времени – поэт понимает невозможность вернуть прежние чувства. Глаголы прошедшего времени ещё более усиливают ощущение безвозвратно ушедшего счастья. И только один глагол использован в настоящем времени: «*не хочу* печалить вас ничем». Любить по-настоящему – значит желать счастья любимому человеку. Пусть даже с другим. Это и есть

основная мысль стихотворения.

В стихотворении особое значение имеет инверсия: «в душе моей», «быть может», «печалить вас ничем», «любимой быть другим». Инверсия используется почти в каждой строке, и это придаёт стихотворению особую выразительность.

Поэт использует приём аллитерации, которая усиливает эмоциональную окраску поэтических строк. В первой части стихотворения повторяется согласный звук *л*, передающий нежность и печаль:

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем…

А во второй части мягкий звук *л* меняется на сильный и резкий звук *р*, символизирующий расставание, разрыв: «…то робостью, то ревностью томим».

Попадают точно в цель эпитеты: любил *безмолвно, безнадежно, искренно, нежно*. Использована красивая метафора: *любовь угасла*.

В создании эмоциональной напряжённости большую роль играет также синтаксический параллелизм (повторы однотипных конструкций): «то робостью, то ревностью»; «так искренно, так нежно».

Стихотворение написано разностопным ямбом. Рифмовка – перекрёстная.

На эти стихи в XIX веке композиторы А. С. Даргомыжский и Б. С. Шереметев написали замечательные романсы.

Осень (1833) (Отрывок)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?

Державин

I
Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II
Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю её снега; в присутствии луны
Как лёгкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмёт, пылая и дрожа!

III
Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стёклами двойными.

IV
Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —

Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив её блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V
Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
Из годовых времён я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

VI
Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бледняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

VII
Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

VIII
И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX
Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несёт,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно, – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X
И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII
Плывёт. Куда ж нам плыть?…

Стихотворение чаще всего относят к философской лирике А. С. Пушкина, хотя в нём есть и пейзажные зарисовки, и размышления о поэзии. Одна из главных тем этого произведения – бесконечный круговорот природы и связанный с ним круговорот и течение человеческой жизни. В стихотворении отражено многообразие жизненных впечатлений и настроений. Здесь два начала – лирическое и повествовательное, а им соответствуют также два стиля – поэт совместил лирику с повествованием.

Стихотворение написано в Болдино осенью 1833 г. – это был невероятно плодотворный и очень яркий период в творчестве

Пушкина.

К произведению дан эпиграф – «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» (строки Г. Р. Державина). Эпиграфом Пушкин устанавливает связь своего стихотворения с известным в то время посланием Г. Р. Державина, в котором воспеты спокойствие и поэзия уединения.

А само стихотворение воспринимается как непринуждённая беседа поэта с читателем. В соответствии с содержанием той или иной строфы в нём меняются авторские интонации.

Стихотворение называется «Осень» – это любимое время года Пушкина. Но поэт подробно описывает все времена года, высказывая при этом своё личное отношение к зиме, весне, лету и осени.

Всё гениально в этом творении великого поэта, и каждая деталь выполняет большую роль. Точно подобраны эпитеты: *волнистая* мгла, *промёрзлый* дол, *могильная* пропасть, *уснувшие* дубравы и др. Созданы удивительные метафоры и сравнения («в багрец и в золото одетые леса», «зеркало стоячих, ровных рек», «нелюбимое дитя в семье родной») и великолепные художественные образы (зима-старуха, чахоточная дева-осень, «пышное природы увяданье»). Поэтом использована лексика старого стиля («осенний хлад», «страждут озими», «мучишь») и звукопись («очей очарованье», «согрета и свежа, она вам руку жмёт, пылая и дрожа»). Выбранные Пушкиным синтаксические приёмы тоже усиливают выразительность художественной речи. К таким приёмам относятся: перенос со строки («Так нелюбимое дитя в семье родной / К себе меня влечёт»), инверсия («люблю я пышное природы увяданье», «к привычкам бытия вновь чувствую любовь»), синтаксический параллелизм («чредой слетает сон, чредой находит голод»).

И даже знаки препинания обретают особый смысл. Вот как поэт обращается к лету: «О, лето красное!» Неудивительно, что после такого поэтического словосочетания стоит восклицательный знак. Но дальше Пушкин говорит вовсе не о прелести лета, не о радостях, которые оно дарит нам, – он перечисляет совершенно прозаичные приметы: «зной, да пыль, да комары, да мухи». Поэт говорит, что лето губит все его душевные способности. Летом он вместе с природой жаждет дождя – жалеет зимы и ждёт осень.

Весна – тоже не его пора: «…я не люблю весны; скучна мне оттепель; вонь, грязь – весной я болен». Пушкин умеет создать целую картину самыми обыкновенными, а порой даже прозаичными словами: пыль, комары, мухи, вонь, грязь. Чтобы употреблять такие непоэтичные слова, нужна была смелость – до

Пушкина в поэзии таких слов не употребляли. Но он умел сделать так, чтобы самое обычное бытовое слово зазвучало органично.

А вот зимой поэт доволен гораздо больше. В строках, посвящённых зиме, нет тоски и печали. Зима для Пушкина – это праздники с весёлыми играми и блинами, катаниями с девушками на лошадях. Он рисует романтические картины ночных прогулок в санях под луной, катания на коньках – сплошные удовольствия. Но ведь праздники быстро надоедают – «нельзя же целый век кататься нам в санях с Армидами младыми». И Пушкин верно замечает, что «ведь это наконец и жителю берлоги, медведю, надоест». Но тогда картину праздников и красочных зимних гуляний сменяет другая картина, в которой только и остаётся «киснуть у печей за стёклами двойными». Зима тоже не даёт Пушкину вдохновения – не зовёт его к перу.

С особой любовью пишет поэт об осени. Осенью он не чувствует скуки и лености. Он признаётся: «И с каждой осенью я расцветаю вновь», «к привычкам бытия вновь чувствую любовь». Осенью у поэта «легко и радостно играет в сердце кровь, желания кипят», он снова счастлив и молод. Осенние дни его проходят совсем по-другому. Он больше не киснет у печей, а испытывает подъём душевных, физических и поэтических сил. Всё осенью рождает в нём вдохновение. И Пушкин подробно описывает читателю картину своего творческого труда, рассказывает нам, как рождаются стихи (этому посвящены X и XI строфы).

Этот процесс начинается с отрешения от всего суетного вокруг: «и забываю мир…». Поэт полностью отдаётся своему поэтическому воображению: «я сладко усыплён моим воображеньем» – в нём пробуждается поэзия. И мы видим, что этот творческий процесс в высшей степени радостен для Пушкина, доставляет ему великое удовлетворение собой, жизнью. А происходит это осенью – вот почему она для него самое любимое время года.

Стихотворение заканчивается вопросом: «Куда ж нам плыть?» В нём отражается раздумье поэта о трудностях своего положения в условиях самодержавно-крепостнического строя и полицейского надзора, особенно усилившегося после подавления восстания декабристов.

Стихотворный размер произведения – ямб. Поэзия, написанная ямбом, обычно окрашена в оживлённый, весёлый тон, который передаёт светлое душевное состояние.

Написано стихотворение октавами – так называется строфа из восьми стихов с расположением рифм *абабабвв* и с чередованием мужских и женских окончаний. Благодаря октавам

создаётся оттенок лёгкой грусти.

«…Вновь я посетил…» (1835)

…Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провёл
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор ещё бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора.
Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны…
Меж нив златых и пажитей зелёных
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывёт рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре…
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)

Теперь младая роща разрослась,
Зелёная семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему всё пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Стихотворение было создано во время последнего приезда Пушкина в село Михайловское. Здесь прошло детство поэта, здесь он провёл два года ссылки.

Прошедший 1834-й год был для Пушкина тяжёлым: пожалование царём звания камер-юнкера, нелепого и смешного в его возрасте, долги и расстройство хозяйственных семейных дел, конфликт с великосветским обществом, которое не могло простить поэту его превосходства, и, наконец, потрясшее поэта событие: полиция распечатала его письмо к жене. Теперь поэт понимает свободу и как личную духовную независимость.

Поездка на полтора месяца в Михайловское в начале сентября 1835 года была для поэта попыткой обдумать свою жизнь, желанием порвать со столичной суетой, поселиться в деревне, заняться хозяйством. Несмотря на сложный период в жизни, поэт находит в себе силы для оптимизма и понимает, что истинное умиротворение ему даёт лишь общение с природой. Он даже принимает решение поселиться в Михайловском. Но этому не было суждено сбыться – менее чем через полтора года Александр Пушкин погибнет на дуэли, так и не воплотив в жизнь мечту: вернуться в Михайловское и провести там остаток своей жизни.

Начнём анализ стихотворения с его формы. Пушкин обратился здесь к белому стиху, выдерживая классический пятистопный ямб.

Белый нерифмованный пятистопный ямб идеально передаёт

интонацию элегического раздумья. К тому же отсутствие рифмы переносит центр тяжести на смысловую и интонационную роль ритма и на выразительность каждого слова – поэтому интересно обратить внимание на средства поэтической выразительности.

Отточием перед самой первой строкой поэт как бы впускает читателя в продолжение каких-то своих глубоких размышлений. В выборе почти каждого слова угадывается или особый образ, или нужная поэту краска: например, уменьшительная форма слова *уголок* выражает особую близость Пушкина к Михайловскому, слово *изгнанник* точно определяет положение ссыльного поэта.

В выражении «минувшее меня объемлет живо» тоже есть глубокий смысл: *объемлет* – значит охватывает, переполняет воспоминаниями. Прошлое так живо предстаёт в памяти поэта, что ему кажется, будто всё происходило лишь вчера.

Автор использует и разговорную лексику (*вечор, ворочая, сиживал*), и книжные слова (*объемлет, сень, мрак*), и славянизмы (*златые, брега, глава, младая*), но вся эта разнообразная лексика органически сплавлена в единое целое. В стихотворении можно найти интересные эпитеты: *кропотливый* дозор, *златые* нивы, *угрюмый* товарищ, *опальный* домик.

Поэт использует инверсию (*нивы златые; пажити зелёные*). Инверсия – один из способов замедлить чтение, побуждая читателя вникнуть в глубинный смысл текста.

Автор часто использует приём переноса части фразы с одной строки на другую:

> Тот уголок земли, где я провёл
> Изгнанником два года незаметных…

Такой перенос даёт возможность почувствовать нам, как свободно льётся речь поэта, не стесняемая рамками стихосложения.

В стихотворении используется аллитерация (***с**инея, **с**телется*), а шипящие звуки (***ш**умом **ш**орох их вер**ш**ин…*) передают шум и шелест ветвей в «младой роще».

Различные временные формы глаголов помогают автору передать связь между прошлым, настоящим и будущим.

Стихотворение делится на три смысловые части: приезд в Михайловское, описание природы, обращение к потомкам.

От мыслей о незабвенном уголке, в который он возвратился спустя десять лет, Пушкин переходит к раздумьям о жизни вообще и о будущих поколениях, которым суждено воспринять и почувствовать всю полноту земного бытия.

В стихотворении изображены реальные пейзажи

Михайловского – любимые места поэта.

Первая часть посвящена ностальгическим воспоминаниям – поэт говорит о том, что многое переменилось и он, «покорный общему закону», переменился тоже. «Общий закон» – это вечное обновление жизни. Но перемены лирического героя объясняются только возрастом. Взгляды и убеждения, отношение к друзьям – всё это осталось прежним, и в этом убеждают последние строки экспозиции:

И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.

Во второй части стихотворения лирический герой упоминает «опальный домик», Арину Родионовну и своё двухлетнее изгнание. Образ няни для Пушкина всегда был очень дорог. С няней были связаны не только тёплые воспоминания; поэт всегда противопоставлял её простую и цельную натуру, её народную мудрость внутренней пустоте людей светского общества. Вместе с воспоминанием о няне вводится ещё одна важная тема – тема памяти. К этой теме лирический герой вернётся в финале, когда выразит свою надежду на то, что внук непременно вспомнит о нём.

Точно и подробно Пушкин рисует пейзаж Михайловского – тот самый вид, который открывается с лесистого холма, на котором он любил сидеть, глядя на озеро. Этот пейзаж очень напоминает картину из стихотворения «Деревня». Отдельными штрихами поэт воссоздал бедность края: убогий невод рыбака, скривившаяся от времени мельница.

Центральное место отведено описанию трёх сосен, вокруг которых раскинулась молодая поросль. Чувствуется, что они особенно дороги поэту – шумом своих вершин они некогда приветствовали его. За прошедшие годы произошли разительные перемены:

…около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась…

Пушкин прибегает к поэтическим сравнениям и метафорам. В основе образа – *зелёная семья,* так названа лирическим героем молодая поросль. Кусты теснятся, как дети, и только одинокая сосна уподоблена угрюмому холостяку, лишённому потомства. Природа одухотворена. Образ молодой зеленеющей рощицы

олицетворяет движение жизни, вечное обновление и, конечно, веру поэта в будущее.

Поэт видит бессмертие в вечной смене материи. Он приветствует молодых людей, которые придут ему на смену. Мысль о внуке, который услышит приветливый шум деревьев, бывших при жизни поэта молодой порослью, говорит о торжестве жизни и смене поколений. Эта идея вечного обновления природы, идея бессмертия (на смену старому идёт новое) – очень важная философская мысль стихотворения.

И Пушкин приветствует новые поколения афористичной фразой: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!». Предвидение поэта оптимистично: его внук окружён приятелями, и мысли его веселы и приятны.

Стихотворение «…Вновь я посетил…» часто называют своеобразным прощанием Пушкина с родными местами и подведением жизненных итогов. Но в нём нет грусти – в нём есть вера в то, что всё ещё можно изменить к лучшему, и это придаёт произведению лёгкость, возвышенность и романтичность.

Можно сказать, что в этом замечательном стихотворении собраны все самые главные мотивы пушкинской лирики. Здесь и его любовь ко всему земному, и светлая грусть от сознания быстротечности жизни, и мудрая вера в смену поколений, которая всегда будет торжествовать над временем, разрушением и тленом.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» (1836)

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Это стихотворение часто называют поэтическим завещанием А. С. Пушкина – оно воспринимается так потому, что было написано за полгода до смерти поэта, в августе 1836 года.

Стихотворение состоит из пяти торжественных строф и является настоящим гимном поэзии. Главная его тема – прославление истинной поэзии и утверждение высокого назначения поэта. Пушкин раскрыл эту тему, являясь прямым наследником поэтических традиций М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина.

По жанровым признакам пушкинское стихотворение представляет собой оду (ода – это торжественные стихи, прославляющие какое-либо событие).

Эпиграфом Пушкин взял строки из оды древнеримского поэта

Горация «К Мельпомене»: *Exegi monumentum* – «Я воздвиг памятник». Гораций в этом произведении оценил свои поэтические заслуги. А в дальнейшем создание стихотворений в жанре поэтического «памятника» стало литературной традицией.

В русскую литературу такую традицию ввёл М. В. Ломоносов, который первым перевёл оду Горация. В 1795 году вольный перевод этого же стихотворения, но с оценкой уже своих заслуг в поэзии сделал Г. Р. Державин. Именно в произведении Державина определились основные жанровые особенности поэтических «памятников». Но окончательно жанр «памятника» сформировался в пушкинском стихотворении.

По построению стихотворение Пушкина близко к «Памятнику» Державина, но при этом он во многом намеренно отступает от выдающегося образца и выделяет особенности своего творчества.

Как и Державин, Пушкин делит своё стихотворение на пять строф, использует похожие форму и размер. В первых трёх строчках, как и Державин, Пушкин использует традиционный размер оды – шестистопный ямб (александрийский стих), но последняя строка написана четырёхстопным ямбом, что делает её ударной и ставит на ней смысловой акцент.

В первой строфе Пушкин традиционно утверждает значимость поэтического памятника. Но он также вводит сюда и тему свободы, которую можно назвать сквозной во всём его творчестве. Он акцентирует внимание на том, что его «памятник» очень высок:

Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Александрийский столп (Александровская колонна на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге) – самая высокая в мире колонна – являлась символом царской власти в России. Пушкин был придворным низшего чина и в то же время был гениальным поэтом. Памятник самодержавию поэт победил силой своего поэтического слова и высокой духовностью: ему не знакомы страх и рабская покорность перед властью.

Вторая строфа у всех поэтов, которые создавали подобные стихотворения, утверждает бессмертие поэзии. Утверждает это же и Пушкин:

Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит.

Но в отличие от Державина Пушкин, испытавший в жизни непонимание и неприятие, говорит о том, что его поэзия найдёт более широкий отклик в сердцах людей, близких ему по духовному складу, и речь идёт не только об отечественной литературе, но и о поэтах всего мира:

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Всю третью строфу, как и Державин, Пушкин посвящает теме широкой посмертной славы. Он предугадывает развитие интереса к его поэзии у самых широких слоёв народа:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Четвёртой строфе дана самая главная смысловая нагрузка – Пушкин определяет сущность своего творчества. Он объясняет, почему вправе надеяться на своё поэтическое бессмертие – потому, что он гордится гуманизмом своих произведений:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

С точки зрения Пушкина, «чувства добрые», которые пробуждает в читателях искусство, важнее всех иных его достоинств. Эта проблема станет для литературы второй половины XIX века предметом жарких споров между представителями демократической критики и так называемого чистого искусства.

Важно, что в черновиках Пушкина вместо слов «в мой жестокий век восславил я свободу» было написано: «вслед Радищеву восславил я свободу» – прямое указание на политический смысл стихотворения.

В последней, пятой строфе, как это было принято традиционно, поэт обращается к Музе:

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,

Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспоривай глупца.

Эти строки возвращают читателя к идее, уже высказанной Пушкиным в стихотворении «Пророк». Она заключается в том, что у настоящего поэта – высокое предназначение, он избран Богом, а потому несёт ответственность за своё искусство не перед людьми, которые зачастую не способны его понять, а перед Создателем.

Значимость темы, высокий пафос, торжественное звучание – это основные черты стихотворения. Медленный, величественный ритм создаётся за счёт одического размера (ямб с пиррихием). С этой же целью автор широко использует анафору (***И** славен буду я; **И** назовёт меня; **И** гордый внук славян; **И** долго буду тем любезен; **И** милость к падшим..»*) и инверсию: «Вознёсся выше он главою непокорной…».

Следует также отметить введение в текст синтаксического параллелизма и рядов однородных членов: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык».

Поэт выбирает возвышенные эпитеты (памятник *нерукотворный;* глава *непокорная; заветная* лира; *подлунный* мир; *гордый* внук славян). В стихотворении используется большое количество славянизмов (*воздвиг, глава, пиит, доколь, всяк сущий)*.

В тексте нет настоящего времени – только прошлое и будущее. Поэт утверждает величие поэзии и ставит её выше славы царей и полководцев. А главная ценность поэзии для Пушкина – нести людям добро.

Данное произведение великого поэта наполнено безграничной любовью к России, к читателям, несокрушимой верой в могущество поэтического слова и сознанием выполненного долга.

М. Ю. Лермонтов

Парус (1832)

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрыпит…
Увы! он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой…
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Одно из самых известных стихотворений Михаила Юрьевича Лермонтова было написано в Петербурге, куда он только что приехал продолжить образование. Это было для него временем перемен, расставания с Москвой, с привычным укладом жизни. Поэту в ту пору было всего 17 лет.

Существует версия, что стихотворение родилось во время прогулки по берегу Финского залива, когда Лермонтов увидел белеющий вдали парус. Но, быть может, этот образ и философские размышления были навеяны стихами из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский»:

Белеет парус одинокий,
Как лебединое крыло,
И грустен путник ясноокий;
У ног колчан, в руке весло.

В начале сентября 1832 года Лермонтов послал текст стихотворения «Парус» в Москву, в письме М. А. Лопухиной. Но, видимо, образ паруса в воображении поэта возник гораздо раньше – сохранилась акварель 11-летнего Лермонтова, на которой изображён белый парус в море.

Внешне стихотворение, написанное четырёхстопным ямбом, отличается редкой простотой: в нём всего 12 строчек – три четверостишия. Каждая строфа стихотворения делится на

«половинки»: две первые строчки дают описание моря и паруса (передаётся состояние природы), а каждые две последние строчки дают лирический отзыв на него (передаётся состояние человеческой души). Зрительные впечатления каждый раз преобразуются в философские размышления. Поэтической же канвой является образ моря.

Все художественные образы в стихотворении аллегоричны: море ассоциируется с жизнью со всеми её бедами, волнениями и переменами, а парус – символ брошенного в житейское море человека. Перед нами блуждающий в тумане парус и герой, блуждающий в «житейском море». Парусу дан эпитет – *одинокой*. Это означает, что у него нет единомышленников и близких. Но парус не боится бури: он силён духом и не покоряется ударам судьбы – он *мятежный*.

Каждое из трёх четверостиший разделено многоточием – так графически автор обозначил паузы, которые несут глубокий смысл. Они не дают возможности слиться изображению пейзажа со строчками, рисующими психологическое состояние героя. Такая расстановка знаков препинания помогает читателю понять стихотворение как глубоко психологическое и не относить его только к пейзажной лирике.

Жанр «Паруса» – лирическая новелла. Стихотворение можно отнести к философской лирике, в которой присутствует символический пейзаж. Всё произведение насыщено красивыми романтическими образами и мотивами.

Поэт использовал современную ему лексику за исключением двух архаизмов: *струя* (вода) и *лазурь* (небо), а также форм слов: парус *одинокой* и *скрыпит* – эти формы соответствуют старомосковскому произношению. Написано произведение простыми словами, использованными в их прямом значении, а если в переносном, то также в общепринятом для поэзии смысле: «играют волны», «ветер свищет», «луч золотой».

Всё стихотворение построено на художественном приёме антитезы, что выражено подбором антонимов и противоположных утверждений. Противопоставлены друг другу герои произведения: парус и поэт – с одной стороны, и море – с другой. Противопоставлены также состояния природы: буря: «Играют волны – ветер свищет, / И мачта гнётся и скрыпит», – и штиль: «Под ним струя светлей лазури, / Над ним луч солнца золотой». Антитезы есть и в языке стихотворения: «Что ищет он в стране далёкой? / Что кинул он в краю родном?»; «…он счастия не ищет / И не от счастия бежит»; «над ним – под ним».

Лермонтов использует и другие средства художественной выразительности: эпитеты (луч солнца *золотой*); инверсию (*в*

тумане моря голубом); анафору и синтаксический параллелизм (***Что*** *ищет он* в стране далёкой? / ***Что*** *кинул он* в краю родном?); аллитерацию (*луч солнца золотой*).

Звучание стихотворной речи лёгкое и плавное. В первых двух строчках легко заметить обилие звуков *л, р, н, м* и пропуск одного и того же ударения – так автор передал плеск морской волны во время штиля. А когда «мачта гнётся и скрыпит», свистит ветер и шумит море, – всё это передаётся звуками *с, т, ч, щ*.

Поэт пользуется цветовыми эпитетами – у него целая палитра ярких и радостных красок: голубая (туман), лазурная (море), золотая (лучи солнца), белая (парус).

Философские размышления поэта каждый читатель может понимать по-разному. Но каждый из нас согласится, что одиночество и простор не дают человеку ответов на мучительные вопросы, а встреча с бурей не приносит счастья. Но буря всё-таки предпочтительнее покоя и бездействия – эта мысль звучит в заключительной строфе стихотворения. Человек, который вечно не удовлетворён, не может быть внутренне застывшим. И не может, подобно природной стихии, пребывать в каком-то одном состоянии – покоя или бури. Закон жизни – мятеж. А каждый человек – одинокий парус, брошенный в море жизни.

«Я не унижусь пред тобою…» (1832)

*К****

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильней.
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убеждён,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,
Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! – прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюся, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,

Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! – лишний раз пожать!
Не знав коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала – я тебя не знал!

В любовной лирике М. Ю. Лермонтова очень мало светлых и радостных настроений – тех «чудных мгновений», которыми так богата поэзия А. С. Пушкина. Чаще всего в стихах о любви Лермонтов пишет об одиночестве, о неразделённом чувстве или об измене любимой женщины, не сумевшей оценить возвышенные чувства лирического героя.

Стихотворение «К***», широко известное по первой строчке, адресовано Наталии Фёдоровне Ивановой, которой поэт посвятил большой цикл произведений (1830–1832 гг.). О романе Михаила Лермонтова и Наталии Ивановой в окружении поэта никто не догадывался, поэтому долгое время стихи, помеченные инициалами Н. Ф. И. (их более тридцати), оставались посмертной тайной поэта. Расшифровать имя таинственной незнакомки, в которую был влюблён М. Ю. Лермонтов, удалось лишь в середине XX века литературоведу Ираклию Андроникову.

Стихотворение написано в жанре послания, что сразу же отсылает нас к пушкинской традиции. Но в отличие от стихотворений, воспевающих любовь, «Я не унижусь пред тобою…» говорит о любви как о чувстве, которое не дарит радости бытия и творческих сил, а лишает их. Лирический герой одинок и даже озлоблен. Лермонтов предельно насыщает свой монолог различными эмоциями: укоры и горькие восклицания, гневные вопросы. Они обрушиваются на читателя, вызывая ответные чувства.

Произведение не делится на строфы, и это создаёт эффект взволнованного, безостановочного монолога. В основу композиции положен приём противопоставления (антитезы): любовь – измена, надежда – заблужденье, привет – укор. Но главное противопоставление, начиная с первой строки стихотворения, обозначено местоимениями *я* и *ты*: «Я не унижусь пред тобою…». Этот приём получает развитие в двух следующих строках:

Ни твой привет, ни твой укор

Не властны над моей душою.

В следующей строке, казалось бы, происходит снятие противопоставления, потому что *я* и *ты* объединяются в *мы.* Но это объединение тут же отменяется эпитетом *чужие:* «Знай: мы чужие с этих пор». Противопоставление ещё больше усиливается. Оно развивается и дальше, достигнув кульминации в последней строке:

Ты знала – я тебя не знал!

Автор использует и другие средства художественной выразительности, чтобы передать сложное душевное состояние лирического героя: эпитеты (*коварная* измена; дар *чудесный; нежно* обещала; обманывать *безбожно*); метафору (*мысль небесная*); синекдоху (*пожертвовал я годы твоей улыбке и глазам*).

Обилие восклицательных предложений и риторических вопросов отражает сбивчивый и взволнованный характер монолога лирического героя.

Стихотворение написано пятистопным ямбом.

Смерть Поэта (1837)

Погиб Поэт! – невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде… и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь… Он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навёл удар… спасенья нет:
Пустое сердце бьётся ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит – и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сражённый, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок, – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шёпотом насмешливых невежд,
И умер он – с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждёт;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперёд.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Первым произведением Михаила Лермонтова, принёсшим ему широкую известность, стало стихотворение «Смерть Поэта», хотя опубликовано оно было только спустя почти 20 лет после создания.

Это стихотворение было написано сразу же после дуэли

Пушкина с Дантесом и смертельного ранения Александра Сергеевича. В те дни была создана большая часть стихотворения, кроме его последних 16 строк. Заключительные строки были дописаны уже после похорон Пушкина, когда стало известно, что часть общества, близкая к царскому двору, взяла под защиту Дантеса.

На смерть Пушкина откликнулись многие поэты, но в их произведениях не было ни такого гнева, ни такого страстного обличения. Стихотворение моментально разошлось в рукописных списках и было доставлено царю с надписью «Воззвание к революции». И автор крамольного произведения, и те, кто его распространял, были арестованы – за арестом последовала ссылка.

«Смерть Поэта» – яркий пример публицистической гражданственной лирики с элементами философского раздумья. Основная тема – трагическая судьба Поэта в обществе. В произведении совмещены черты разных жанров: элегии, оды, сатиры и политического памфлета.

По своей структуре стихотворение состоит из нескольких фрагментов, имеющих каждый свою стилистику. Композиционно легко выделяются три относительно самостоятельные части.

Первая часть – печальная элегия о трагическом событии 1837 года. С первых же строк ясен подтекст стихотворения – прямым убийцей Пушкина Михаил Лермонтов называет не дуэлянта Дантеса, а высшее общество, которое насмехалось над Поэтом и унижало его. Светское общество не упускало ни одного случая, чтобы уколоть и унизить Поэта – это было своеобразной забавой. Чего стоит одно только присвоение ему императором Николаем I чина камер-юнкера в 1834 году, когда Пушкину было уже 35 лет (подобного чина, как правило, удостаивались юноши, которым отводилась роль придворных пажей). В стихотворении автор доносит до читателя мысль, что убийство поэта – это неизбежное следствие его давнего и одинокого противостояния «свету».

Во второй части создан образ светского общества как некоего замкнутого круга, от которого нет спасения. Оно состоит из людей подлых и жестоких, способных на обман, предательство и коварство. Автор развивает романтический мотив противостояния героя и толпы. Конфликт этот неразрешим, трагедия неизбежна.

Михаил Лермонтов открыто говорит о лицемерии людей, которые при жизни унижали Поэта, а после его смерти надели маску скорби. Тут же присутствует намёк на то, что гибель Пушкина была предопределена – «судьбы свершился приговор». По преданию, смерть на дуэли Пушкину ещё в юности предсказала гадалка и даже в точности описала внешность того,

кто сделает роковой выстрел.

Но Лермонтов этим упоминанием вовсе не оправдывает Дантеса, справедливо полагая, что на его совести остаётся гибель гениального русского Поэта. Однако люди, которые разжигали конфликт между Пушкиным и Дантесом, хорошо отдавали себе отчёт в том, что на кон поставлена жизнь человека, успевшего прославить русскую литературу. Поэтому именно их Лермонтов считает истинными убийцами Поэта. Вторая часть заметно отличается от первой настроением и стилем. В ней главной выступает скорбь о преждевременной смерти Поэта. Лермонтов даёт волю глубоко личному чувству любви и боли.

Третья часть, последние шестнадцать строк стихотворения, – это гневное обвинение, перерастающее в проклятие. Перед нами монолог с риторическими вопросами и восклицаниями, в котором проявляются черты сатиры, памфлета. И этот монолог можно назвать продолжением неравного поединка – одного против всех.

Светская «толпа» обличается трижды: в начале, ближе к концу стихотворения и в последних строках. К фигуре непосредственного убийцы автор обращается лишь один раз. Описывая убийцу Поэта, Лермонтов даёт точные приметы Дантеса:

…издалёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока…

Чужестранец, не знавший русского языка и презрительно относившейся к стране, в которой жил, не задумываясь, выстрелил в Поэта. Лермонтов, используя приём антитезы, противопоставляет Поэта убийце: у того «пустое сердце», он, «подобный сотням беглецов», охотник за счастьем и чинами, презирающий чужую культуру и обычаи.

Вся последняя часть звучит как политическая декламация. Лермонтов предрекает палачам Поэта гибель и выносит им страшный приговор:

И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Важно, что Поэт – это не только Пушкин. Оплакивая Пушкина, Лермонтов размышляет о судьбе Поэта в обществе. Лермонтов уверен, что Пушкин погиб не от пули, а от

равнодушия и презрения общества. При написании этих строк Михаил Юрьевич даже не подозревал, что сам погибнет так же – на дуэли – всего через несколько лет.

Средства художественной выразительности, которые выбирает Лермонтов, помогают ему передать пафос стихотворения, выразить возмущение и гнев в адрес убийц и горечь личной потери. Вот какие эпитеты найдены для этого: *свободный, смелый* дар; *пустое* сердце; *дивный* гений; миг *кровавый; глухая* ревность; *чёрная* кровь; *жалкий* лепет; *коварный* шёпот; *ничтожные* клеветники.

Лермонтов использует сравнения: Поэт «угас, как светоч»; увял, как «торжественный венок»; погиб, «как тот певец… воспетый им…» (сравнение с Ленским – персонажем из романа в стихах «Евгений Онегин»). Можно отметить также перифразы (*Угас… дивный гений, / Увял торжественный венок*), метафоры (*на ловлю счастья и чинов; Свободы, Гения и Славы палачи; жалкий лепет оправданья; злобно гнали… дар; И прежний сняв венок – они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него*); ассонансы (*п**о**никнув г**о**рдой г**о**л**о**в**о**й*) и аллитерации (*пал оклеветанный молвой*).

В стихотворении много риторических вопросов. Такие вопросы ставятся не для того, чтобы получить на них ответ, а чтобы заострить внимание: «Зачем… / Вступил он в этот свет завистливый и душный / Для сердца вольного и пламенных страстей? / Зачем он руку дал клеветникам ничтожным, / Зачем поверил он словам и ласкам ложным, / Он, с юных лет постигнувший людей?».

В этих строчках использован и другой стилистический приём – *параллелизм*, то есть одинаковое синтаксическое построение соседних предложений, что придаёт поэтической речи особую выразительность. Не случайно повторение слова *зачем* в начале предложений. Этот приём, называемый анафорой, также усиливает эмоциональность.

В стихотворении есть литературные реминисценции. (Реминисценция – это воспроизведение автором образов, отсылающих читателя к другому, известному ему произведению). Так, начало стихотворения Лермонтова: «Погиб Поэт! – невольник чести…» – напоминает читателю о строках из пушкинской поэмы «Кавказский пленник»: «Когда я погибал, безвинный, безотрадный, / И шёпот клеветы внимал со всех сторон…». Другая строчка («Поникнув гордой головой») напоминает о стихотворении Пушкина «Поэт» («не клонит гордой головы»).

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, во второй части – вольный ямб. Использованы различные способы

рифмовки: перекрёстная, кольцевая, парная.

«Когда волнуется желтеющая нива…» (1837)

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зелёного листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога…

Стихотворение написано М. Ю. Лермонтовым в феврале 1837 года, когда поэт находился под арестом в здании Главного штаба в Петербурге за стихотворение «Смерть Поэта». К нему пускали лишь камердинера, приносившего обед. Хлеб ему заворачивали в серую бумагу. На этой бумаге с помощью спичек и печной сажи было написано это произведение.

У стихотворения нет названия, но уже его первая строчка заинтересовывает читателя: что же происходит, когда «волнуется желтеющая нива»?

Всё стихотворение состоит из одного предложения. Первая, вторая и третья строфы – это всё придаточные предложения времени, причины и условия (*когда*), которые раскрывают значение одного главного предложения.

Композиционно стихотворение делится на две части. В первой части изображены картины природы – каждая строфа начинается со слова *когда*. Во второй части описаны чувства лирического героя – они возникают *тогда*.

Изображая природу, поэт рисует не одну, а несколько

поэтических взаимосвязанных картин. Он рассказывает, как «волнуется желтеющая нива» при лёгком звуке ветерка, как свежий лес задумчиво шумит, как «прячется в саду малиновая слива», как «студёный ключ играет по оврагу». В этих пейзажных зарисовках Лермонтов олицетворяет природу: ландыш «приветливо кивает головой», ключ лепечет «таинственную сагу».

Изображая любимые пейзажи, поэт рассказывает о бесконечно обновляющейся природе – о разных временах года. Это и осень (*желтеющая нива*), и весна (*свежий лес; ландыш серебристый*), и лето (*малиновая слива*).

Стихотворение богато художественно-выразительными средствами. Поэтические эпитеты создают атмосферу лирической таинственности (тень *сладостная; румяный* вечер; *смутный* сон; *таинственная* сага). Лермонтов использует характерные для его творчества цветовые эпитеты (*желтеющая* нива; *малиновая* слива; *зелёный* листок). Из художественных средств поэт использует также анафору (***И*** *счастье я могу постигнуть на земле, /* ***И*** *в небесах я вижу Бога…*).

В первой строфе дана широкая пейзажная панорама: поле, лес, сад. Затем поэт суживает художественное пространство, остаются только слива, куст, ландыш. Но потом пространство снова расширяется – оно вместе с бегущим студёным ключом прорывается за горизонты:

Когда студёный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он…

Художественное пространство становится бесконечным. Эта картина – кульминация стихотворения.

В заключительном четверостишии поэт говорит о чувствах своего лирического героя. Четыре стиха – и четыре важных преображения в человеке:

«Тогда смиряется души моей тревога» – преображение внутреннего мира; «Тогда расходятся морщины на челе» – изменение внешнего облика; «И счастье я могу постигнуть на земле» – возможность восприятия ближнего мира; «И в небесах я вижу Бога…» – возможность восприятия дальнего мира, мироздания. Ощущение покоя, безмятежного счастья, гармоничности мира даёт лирическому герою природа. И эта сопричастность с природным миром позволяет поэту сказать:

И счастье я могу постигнуть на земле,

И в небесах я вижу Бога…

Первая строфа стихотворения – шестистопный ямб, во второй и третьей строфе чередуются шестистопный и пятистопный ямб, последняя строфа – шестистопный ямб, но последняя строка укорочена (четырёхстопный ямб). Лермонтов использует перекрёстную и кольцевую (в последней строфе) рифмы.

Бородино (1837)

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

– Да, были люди в наше время,
Не то что нынешнее племя:
Богатыри – не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля…
Не будь на то Господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.

Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам…
Да, жаль его: сражён булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,

И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой…

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять…
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!

В 1837 году Россия отмечала юбилей – 25 лет победы над армией Наполеона в Отечественной войне 1812 года. В церквях шли молебны в память о погибших, состоялась торжественная закладка Храма Христа Спасителя в Москве. К этой знаменательной дате М. Ю. Лермонтов написал стихотворение «Бородино». Впервые к этой теме поэт обратился ещё в раннем юношеском произведении «Поле Бородина» в 1830 году. Из этой первоначальной зарисовки и выросло знаменитое «Бородино».

В этом стихотворении Лермонтов использует нетипичную для того времени манеру изложения: о подвиге народа, о великом историческом сражении рассказывает простой солдат. Рассказ рядового участника Бородинской битвы можно назвать автобиографией народного подвига, потому что солдат говорит не только от своего имени, но и от имени всей армии, всей страны. Это закреплено в рассказе солдата еле уловимыми переходами от «я» к «мы». В этих переходах ощущается единство

армии – полное взаимное доверие и ручательство одного за всех и всех за одного. И самое главное: солдат видит историю не с командного пункта и не с вершины вечности, а со своей боевой батареи.

Если сравнивать юношеское стихотворение Лермонтова «Поле Бородина» и «Бородино», то различий можно найти немало. Первое было написано в эффектной манере романтических поэм, второе изображает подлинно реалистическую картину. «Поле Бородина» создано 16-летним поэтом-романтиком и написано приподнято-возвышенным, эмоциональным языком. А в стихотворении «Бородино» звучит простая народно-разговорная речь, присущая русскому солдату, который и становится главным героем и рассказчиком, с точки зрения которого описывается великое сражение русской армии.

Структура стихотворения проста: первая строфа – вступление, в котором молодой солдат задаёт вопрос ветерану – участнику сражения. Вторая строфа выражает главную мысль произведения. Третья – тринадцатая строфы – это описание битвы. Последняя, четырнадцатая строфа почти точно повторяет вторую строфу.

Стихотворение построено в форме своеобразного диалога поколения Лермонтова с поколением героев войны 1812 года.

Интересно раскрывать содержание этого произведения, оценивая при этом использованные поэтом художественные средства языка.

Лермонтов часто употребляет восклицательные предложения, которые помогают ему передать чувство гордости и восхищения русской богатырской силой и удалью («Недаром помнит вся Россия про день Бородина!»; «Вам не видать таких сражений!»).

Метафоры делают текст ярче и выразительнее, создают звуковые ощущения, образно показывают грандиозность сражения, а также ужасающее количество жертв: «звучал булат»; «картечь визжала»; «залпы тысячи орудий слились в протяжный вой»; «гора кровавых тел». Образные выражения («Не смеют, что ли, командиры / Чужие изорвать мундиры / О русские штыки?») сменяются гиперболой («И ядрам пролетать мешала / Гора кровавых тел»).

Использованные сравнения помогают нам увидеть несметные полчища врага, передают динамичность боя, показывают грандиозность и тяжесть сражения (французы двинулись, *как тучи*; носились знамена, *как тени*; земля тряслась – *как наши груди*).

А вот эпитеты автор выбирает самые обычные, это приближает повествование к народному говору (*зимние* квартиры;

схватки *боевые; большое* поле; *синие* верхушки; *избитый* кивер).

Стихотворный размер произведения – разносложный ямб (четырёхстопный ямб чередуется с трёхстопным) – тоже вызывает ощущение свободной разговорной речи ветерана.

Автор включил в рассказ солдата просторечные высказывания и фразеологические обороты: «ушки на макушке»; «полковник наш рождён был хватом»; «что толку в этакой безделке?». Но они прекрасно сочетаются с возвышенными, патетическими оборотами: «молвил он, сверкнув очами»; «носились знамена, как тени»; «сражён булатом»; «поле грозной сечи».

Так, в стихотворении «Бородино», с одной стороны, звучит речь простого солдата, насыщенная просторечиями, а с другой стороны, присутствуют высокий стиль и яркая образность, призванные подчеркнуть особую значимость изображаемых событий.

Некоторые строчки из стихотворения стали крылатыми выражениями. Например: «Да, были люди в наше время…». А слова: «Ребята! не Москва ль за нами?» – приобрели особенно актуальное значение во время битвы под Москвой в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

В «Бородино» поэт рисует войну справедливую, национальную, освободительную. Это определяет все пропорции изображения и все его краски, целое и детали. В стихотворении много раз повторяется слово *русский*: русские штыки, русский бой удалый и т. д.

Стихотворение завершается перекличкой второй и четырнадцатой строф, в которых сопоставляются два поколения русских людей: прежних «богатырей», одержавших великую победу на Бородинском поле, и современников Лермонтова, ничем на них не похожих.

«Бородино» Лермонтова – подлинный шедевр русской поэзии. Оно не только отразило патриотические чувства Михаила Лермонтова, но и стало настоящим гимном русскому народу.

Поэт (1838)

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надёжный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провёл он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишён героя спутник бедный;
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарёй,
Никто с усердьем не читает…

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы;
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как Божий дух, носился над толпой

И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны…

Проснёшься ль ты опять, осмеянный пророк?
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

Стихи, посвящённые теме поэта и поэзии, М. Ю. Лермонтов писал на протяжении всей своей творческой жизни. Он говорил в них и о себе, как о поэте, и о своём понимании роли поэзии. Одним из лучших произведений на эту тему является стихотворение «Поэт». Для Лермонтова истинная поэзия всегда должна быть действенной, потому что её назначение – вмешиваться в жизнь, влиять на ход событий, воздействовать на умы и чувства людей. Лермонтов недоволен современным состоянием поэзии – он сравнивает её с боевым кинжалом, который бесславно висит на стене «игрушкой золотой». Всё произведение целиком построено на этом сопоставлении поэта и кинжала.

Стихотворение делится на две части. Первая часть рассказывает о судьбе кинжала: сначала он служил горцу, затем был взят как трофей и продан торговцу-армянину, а потом приобретён богатым покупателем для коллекции и стал «игрушкой золотой».

Вторая часть – рассуждение о роли поэта в обществе.

Кинжал, лишившись своих ножен, стал лишь украшением – он безвреден, но и бесславен. Так и поэт, который молчит, «своё утратил назначенье». Во второй части отчётливо звучит горестный сатирический оттенок – Лермонтов говорит о том, что «в век изнеженный» нас тешат «блёстки и обманы». Он доносит свою главную мысль: если оружие и слово не использовать по назначению, они теряют свои свойства.

Передать настроение первой части стихотворения автору помогли выразительные средства языка, и это, прежде всего, эпитеты. Показательно, что в описании славного прошлого кинжала не даны определения, относящиеся непосредственно к

нему. Но есть эпитеты, характеризующие его подвиги: «*страшный* след»; «звенел в ответ речам *обидным*». Потом появляются совсем другие эпитеты, так как подвигов у этого грозного оружия уже нет. Кинжал теперь *заброшенный, бедный, бесславный* и *безвредный*, а сравнение его с «игрушкой золотой» помогает автору подчеркнуть полную бессмысленность этого когда-то грозного оружия.

Стихотворение наполнено горечью, сожалением, протестом. И в то же время в нём не угадывается, а чётко вырисовывается идеал Лермонтова – он мечтает о том, чтобы голос поэта «Звучал, как колокол на башне вечевой, / Во дни торжеств и бед народных». Рассказать о своей мечте Лермонтову помогает целый ряд ярких сравнений и эпитетов (*мерный* звук твоих *могучих* слов… нужен был толпе, *как чаша для пиров, как фимиам* в часы молитвы. Твой стих, *как Божий дух*, носился над толпой).

Но автор понимает нереальность своей мечты, ведь люди сами отказались от пророка:

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны…

По своему пафосу и эмоциональности «Поэт» напоминает другое стихотворение Лермонтова – «Смерть Поэта».

Дума (1838)

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию – презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты – его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережём в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдём без шума и следа,

Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

Дума – распространённая поэтическая форма в литературе XIX века. Этот жанр широко использовали поэты-декабристы, особенно популярны были «Думы» К. Ф. Рылеева. Однако вокруг жанра «Думы» М. Ю. Лермонтова сразу же разгорелись жаркие споры. Выдающиеся литературные критики давали произведению самые разноречивые оценки: В. Г. Белинский утверждал, что «Дума» есть сатира», С. П. Шевырёв писал, что стихотворение Лермонтова – «ужасная эпитафия молодому поколению».

Перед нами не традиционная элегия, а некое смешение стилистических пластов: кроме печального рассуждения, в стихотворении звучит и гневное обличение, и язвительные насмешки, и страстный призыв к молодому поколению. В «Думе» есть сатира, как и в стихотворении «Смерть Поэта». Только сатира здесь направлена не на великосветское общество, а на основную массу дворянской интеллигенции 1830-х годов.

Можно сказать, что стихотворение «Дума» – это гражданский суд Лермонтова над своим поколением. И это не взгляд со стороны, а откровение человека, принадлежащего к тому же поколению. Гражданская тема для поэта глубоко личная, выстраданная. Лермонтов не отделяет себя от своих соотечественников – он употребляет местоимение *мы*.

В стихотворении раскрывается трагедия людей, обречённых состариться «в бездействии» «под бременем познанья и сомненья». Лермонтов видит причину этой трагедии в общественной обстановке в России после восстания декабристов, когда наступила эпоха безверия и бесцельного существования, когда люди таили даже от близких и друзей «надежды лучшие и голос благородный». Это время, когда молодые люди разуверились в идеалах, в которые верили их отцы, они «богаты ошибками отцов».

Поэт обвиняет своих современников в постыдном равнодушии к добру и злу, в трусости и раболепии перед властью, в неспособности испытывать радость жизни и чувствовать красоту искусства. Общественная пассивность людей 1830-х годов связана с их позорным малодушием:

К добру и злу постыдно равнодушны,

В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию – презренные рабы.

Мысль о бездействии поколения многократно варьируется. Стихотворение приобретает не только скорбный, но и едко-иронический тон. Передавая пустоту бесцельного существования, поэт использует двойное сравнение:

И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

Образы «ровный путь» и «чужой праздник» конкретны, эмоциональны и вызывают у читателя чувство грусти и сожаления.

Автор употребляет так называемую философскую и гражданскую лексику, слова: *познание, сомненья, власть, судья, гражданин, грядущее, поприще*. Но стихотворение звучит очень эмоционально, потому что написано в романтической традиции и насыщено выразительными метафорами (*иссушили ум наукою бесплодной; чаша наслажденья; царствует холод; огонь кипит в крови*) и эпитетами (*плодовитая* мысль; восторг *сладостный*).

Выразительный эффект достигается употреблением антонимов – слов с противоположным значением: *ненавидим – любим; холод – огонь*. Поэт часто использует слова и выражения в переносном смысле. Например, *состариться* означает не только физическую, но и духовную старость, а *ровный путь без цели* – это равнодушие и апатия, отсутствие жизненных тревог.

Гипербола «Богаты мы, едва из колыбели» характеризует раннее наступление зрелости поколения, «разбуженного выстрелами на Сенатской площади» (А. Герцен). Эта мысль о ранней зрелости поколения получает в четвёртой строфе образное воплощение в сравнении-метафоре: «*тощий* плод».

Поэт высказывает беспощадную правду не о чём-то постороннем и чуждом, а о том, что ему дорого и кровно близко. Это делает произведение трагическим.

Передовые люди 1830—1840-х годов увидели в «Думе» выражение собственных мыслей и чувств и нередко цитировали лермонтовские строки в своих письмах и дневниках. «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорблённого духа, – писал Белинский, – это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не

найдёт в нём разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..»

«Дума» Михаила Лермонтова – своеобразный реквием поколению и в то же время обращение к будущим потомкам.

Три пальмы (1839) (Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о Небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали…
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой,
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

«Три пальмы» – это поэтическая притча, в которой заложен глубокий философский смысл. Сюжет, к которому обратился автор, продолжает тему, звучащую в «Демоне», «Мцыри», «Герое нашего времени». Душа, доверчиво открытая миру, встречает на своём пути обман и неблагодарность. Три пальмы, дождавшиеся осуществления своей мечты, гибнут от человеческой жестокости.

У стихотворения кольцевая композиция. В основе лежит приём антитезы (противопоставления). Радующий глаз пейзаж, нарисованный в первой строфе (журчащая вода, прохлада посреди раскалённых песков), резко контрастирует с удручающей картиной полного опустошения в конце.

Пальмы счастливо и безмятежно жили на берегу ручья, но со временем им стало казаться, что такая жизнь слишком однообразна и скучна. Возможно, им представлялось, что где-то

там, в большом мире, пальмы живут совсем иначе… Ярко и интересно. Им захотелось новых впечатлений, красок, звуков. Захотелось обрести смысл жизни, спасать усталых странников от зноя и жажды. Но горизонт пуст, пустыня безмолвствует, только жара и песок вокруг. И тогда пальмы задумались: «На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?..»

Роптать на Бога большой грех. Но Господь милостиво исполняет их желание – к оазису приближается богатый караван. Наконец-то пальмы принесут пользу людям! Под тенью широких листьев так приятно отдыхать… Вода в ручье такая вкусная… Но люди безжалостно срубили деревья, уничтожили оазис только ради того, чтобы провести ночь у костра. Стоит заметить, что опытные путешественники так варварски себя не ведут. Погибнуть в пустыне от жажды очень легко, а вода встречается так редко. Бедуины берегут оазисы и колодцы. Караванные пути проложены через бескрайнюю пустыню от одного источника воды к другому, и горе путнику, который не сможет вовремя наполнить свою флягу…

Эти же люди поступили так, как поступают маленькие дети. Не думая о последствиях, сожгли всё, что могло гореть. Конечно, ведь в пустыне жарко только днём. А ночью становится очень холодно. Утром люди ушли, оставив на месте своего ночлега лишь пепел да пыль…

Красивая легенда полна прозрачных аллегорий. Караванщики – это люди, не умеющие ценить того, что дарит им природа. Они готовы уничтожить хрупкую планету, на которой живут, во имя своей выгоды или сиюминутной прихоти. Гордые пальмы – это тоже люди. Автор использует в описании такие слова, которые употребляют, только когда говорят о людях: пальмы пали без жизни, с них сорвали одежду, изрублены их тела.

Философский смысл стихотворения «Три пальмы» носит религиозный характер и основан на библейском представлении об устройстве мироздания. Поэт убеждён, что у Бога можно вымолить всё. Вот только будет ли счастлив человек, когда получит то, что хотел? Ведь если жизнь идёт своим чередом так, как ей предначертано свыше, то для этого есть основания. А для тех, кто желания ставит выше своих возможностей, жизнь может закончиться трагически.

Может быть, пальмы были слишком горды и не сумели понять, что их главным предназначением было сохранить источник жизни в пустыне? Так и человеку не дано постичь все высшие законы.

Выразительные средства языка помогли автору передать эту историю в романтическом стиле. Поэт использует красочные

эпитеты (*гордые* пальмы; *пылающая* грудь; *упругие* корни; *студёная* влага; *роскошные* листья; *звучный* ручей; *золотой* песок; *чёрные* очи; *гремучий* ключ; *хохлатый* коршун), и сравнения (караван, *как в море челнок*; люди – *малые дети*; пальмы – *питомцы столетий*).

Лермонтов отбирает точную лексику для изображения самых различных впечатлений и настроений. Вот какими словами он создаёт, например, ощущение хаоса, беспорядка и суеты: «Звонков раздавались нестройные звуки»; «пестрели коврами покрытые вьюки»; «с криком и свистом несясь по песку»; «подходит, шумя, караван». Произведение имеет богатый интонационный рисунок: в нём много пауз, восклицаний, вопросов и многоточий.

Размер, которым написано стихотворение «Три пальмы», – трёхстопный амфибрахий.

Тучи (1840)

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные…
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

В стихотворении ярко выражены мотивы одиночества и странничества, которые являются сквозными для всего творчества М. Ю. Лермонтова.

История создания этого произведения известна из воспоминаний современников поэта – оно было написано в день его отъезда из Петербурга на Кавказ. Лермонтов отправлялся в ссылку, и в доме у Карамзиных собрались друзья, чтобы проститься с поэтом перед разлукой. «Тучи» – стихотворение, написанное «на случай», как многие стихи Лермонтова, но оно поражает читателя своей глубиной и тонким психологизмом.

В этот период жизни автор пребывал в разладе не только с окружающим его миром, но и с самим собой. Осознание того, что человек не может управлять своей жизнью и поступать так, как хочет, вызывало у Лермонтова чувство досады.

Открывается стихотворение ярким динамичным пейзажем:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Перед читателем – пейзаж-настроение. Настроение создаётся уменьшительно-ласкательным суффиксом в слове *тучки*, эпитетом *небесные*, изысканным сочетанием цвета – жемчуг на

фоне ярко-голубого неба. Лермонтов изображает характерное для него художественное пространство, образуемое вертикалью *земля – небо*. Вместе с поэтом читатель оказывается в безбрежной «лазурной степи».

Но не вид природной гармонии создаёт эмоциональный тон, а вторгающееся в этот небесный пейзаж земное слово *странники*, которое к тому же усилено эпитетом *вечные*. От лазурного неба и белоснежных облаков особенно контрастен переход к ощущению бесприютности. В произведении создан аллегорический образ туч, которые, подобно поэту-изгнаннику, мчатся «с милого севера в сторону южную».

Кто такой странник? Тот, у кого нет дома, кто бесприютен и одинок. В стихотворении слово *странники* приобретает особую выразительность, потому что усилено сравнением с лирическим героем: «Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники…».

Почему же поэт вынужден расстаться со своей родиной? Причины его изгнания объясняет цепочка риторических вопросов:

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Риторические вопросы расположены по мере увеличения глубины и тяжести перечисленных причин. Самая горькая из них – «друзей клевета ядовитая», потому что настоящие друзья не предают. А значит, лирический герой одинок – у него нет друзей. Он попытался сравнить себя с тучками, решив, что их объединяет изгнанничество.

Но в третьей строфе он сам же и отвергает возникшее вначале сравнение – она начинается прямым отрицанием: «Нет…». Никто не гонит тучки – они свободны. Свободны от страстей и пороков, ко всему равнодушны и безучастны – им попросту наскучили холодные северные края. Нет у них родины – не может им быть и изгнания. Поэтому названо стихотворение не «Тучки», а более отчуждённо и сдержанно – «Тучи».

В судьбе тучек и в судьбе поэта есть только видимое сходство – различия между ними гораздо важнее. Только у человека, каким бы он ни был независимым, есть «корни»: дом, семья, друзья – всё то, что называется родиной. И разве возможно, пусть даже тяжкую долю изгнанника, променять на холодное блаженство? Несмотря на то что поэт гоним злой судьбой, в душе его нет безысходного трагизма. Он многого лишён, но у него есть любовь к родине и сердце, отзывающееся на всё, что происходит в мире. И судьба

изгнанника в системе ценностей жизни оказывается выше свободы холодных туч. Внутреннее развитие мысли и настроения в стихотворении совершается стремительно – от светло-печальных тонов вступительной части к трагической теме во второй строфе.

В стихотворении можно выделить яркие художественные средства, которые помогли поэту передать его мысли и чувства: олицетворение (тучки – *странники*), эпитеты и метафоры (степь *лазурная;* цепь *жемчужная; милый* север; нивы *бесплодные;* тучки вечно *холодные*, вечно *свободные*).

Стихотворение написано дактилем.

«Как часто, пёстрою толпою окружён…» (1840)

1-е января

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, – памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребёнком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зелёной сетью трав подёрнут спящий пруд,
А за прудом село дымится – и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,

И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветёт на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнёт мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

31 декабря 1839 года в белоколонном зале Дворянского собрания на Михайловской площади в Петербурге был устроен новогодний бал-маскарад, на котором присутствовал высший свет и Николай I с членами своей семьи. На этом балу был и Михаил Лермонтов. Впоследствии И. С. Тургенев вспоминал: «На бале Дворянского собрания ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочерёдно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества». Лермонтов намеренно подчеркнул, что стихотворение «Как часто, пёстрою толпою окружён…» написано в связи с этим балом: вместо эпиграфа поставлена дата – «1 января».

Поэт изобразил в своём произведении высшее общество, которое он презирал, и открыто высказал своё к нему отношение. Главная тема стихотворения – обличение жизненного «маскарада» и холодной бездушности светского общества.

У произведения кольцевая композиция. Оно начинается и заканчивается описанием высшего света. В середине же лирический герой переносится в детство – он окунается в естественный мир гармонии. Для произведения характерно сочетание двух контрастных жанров – элегии и сатиры.

В стихотворении три смысловые части. В первой части дана картина великосветского бала. Во второй – поэт уводит читателя в светлый мир своих воспоминаний. В третьей части лирический герой возвращается в чуждый ему мир, что вызывает в нём бурю негодования и душевной боли.

Два первых шестистишия представляют собой одно сложноподчинённое предложение с двумя придаточными:

Как часто, пёстрою толпою окружён…

Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

Перечитывая два распространённых придаточных, читатель явно ощущает нагромождение образов, мелькание пёстрых фигур и масок. Такие эмоциональные ощущения, созданные сложной синтаксической конструкцией, сближают читателя с лирическим героем.

Герою скучно среди «пёстрой толпы», «дикого шёпота затверженных речей», среди «бездушных людей» и «приличьем стянутых масок». Женщины на этом балу, хоть и красивы, но очень похожи на кукол-марионеток. Лирическому герою неприятны их кокетливость, жесты, отрепетированные перед зеркалом, «давно бестрепетные» руки, не знающие ни волнения, ни смущения. Эти городские красавицы знают себе цену и уверены, что никто не устоит перед их чарами. Но герою скучно среди них.

Все присутствующие на балу надели маскарадные маски будто для того, чтобы скрыть своё бездушие и прочие пороки. В этой толпе лирический герой чувствует себя чужим и одиноким. Чтобы отвлечься от неприятного шума и блеска, он мысленно уносится в заветный мир грёз – в своё детство.

Вторая часть стихотворения погружает читателя в особую атмосферу:

И вижу я себя ребёнком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей…

Родные места – это Тарханы, где прошло детство Лермонтова. Идёт явное противопоставление бездушного мира высшего общества живой природе:

В аллею тёмную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и жёлтые листы
Шумят под робкими шагами.

Душа лирического героя тянется к естественности и искренности – к тому, что давно забыто в «высшем свете». Родной дом и детство для Лермонтова – символы «идеального мира» (он показан в произведениях «Родина», «Мцыри», «Воля»). Но «идеальный мир» существует только в воспоминаниях, и герой

«памятью к недавней старине» летит «вольной птицей».

Поэт нарисовал романтический пейзаж. Здесь есть все романтические атрибуты: спящий пруд, дымка, туманы, тёмная аллея. Создана поэтическая атмосфера таинственности и Божественного присутствия. Именно в такой момент лирический герой обращается к теме любви. Он рассказывает то ли о своём сне, то ли о своей мечте. Образ прекрасной девушки для него – воплощение чистоты и нежности:

С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Эти глаза и розовая улыбка – полный контраст с масками бездушных людей на балу. Только в этом мире лирический герой счастлив – здесь он ощущает гармонию. Получается, что душа лирического героя принадлежит миру идеальному, а жить он вынужден в мире реальном – среди «пёстрой толпы». Его трагедия – трагедия всех романтических героев. Она заключается в том, что герой обречён на вечные скитания между этими двумя мирами.

Картины детства в сравнении с картинами бала так прекрасны, что когда лирический герой вновь оказывается среди ненавистной ему толпы, он уже не может выносить эту удушающую атмосферу, и у него возникает желание бросить гневный вызов царству масок:

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Выразительные средства языка помогают поэту раскрыть идейное содержание стихотворения. Оно целиком построено на антитезе (противопоставлении). Поэт изображает два мира, используя резкие контрасты. В стихотворении контрастно всё – звуки, цвета. Мир суеты нарисован словами *пёстрая, мелькают, маски* – здесь яркость и блеск смешиваются в одну безликую массу. Рисуя идеальный мир, поэт использует совершенно другую палитру – это лазурь, зелень трав, сиянье, розовая улыбка, жёлтые листья.

Звуковой тон в этих мирах тоже различается. Праздник масок сопровождается шумом музыки, пляски, «диким шёпотом» – всё это очень дисгармонично. Звуки идеального мира складываются в

тихую мелодию – это тишина, шуршание листьев, плач человека.

Изображая художественное пространство мира земного, Лермонтов показывает нам тесный круг безликих фигур – «пёструю толпу», которая монотонно вращается вокруг лирического героя «при шуме музыки и пляски». Здесь властвуют теснота и несвобода – «приличьем стянутые маски». А вот пространство воображаемого мира безгранично. Здесь и бесконечное небо («лечу я вольной, вольной птицей»), и бесконечные просторы (поле, пруд, туманы), и бесконечная глубь (тёмная аллея, уводящая в таинственную неизвестность).

У стихотворения сложный, сбивчивый размер (иногда шести-, иногда четырёхстопный ямб). Наблюдается также сочетание парной рифмовки с кольцевой.

Всё это вместе, как и сложные синтаксические конструкции, передают мучительное, дисгармоничное состояние лирического героя.

Завещание (1840)

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж… Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь…
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых…
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна…
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит… всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет…
Ей ничего не значит!

Стихотворение написано поэтом за год до гибели, в период, когда он находился под впечатлением от походов русской армии в Чечню. По форме оно представляет собой монолог умирающего на чужбине воина. Тяжело раненный в бою, на пороге смерти он

посылает со своим товарищем последний привет родной земле и тем, кто помнит или даже не помнит его.

Повествование от первого лица помогает раскрыть внутренний мир героя. Первые его слова: «Наедине с тобою, брат…» – создают атмосферу исповеди. В этом монологе выражена бесхитростная и мужественная суть характера русского солдата с его добротой и чувством долга, фатализмом и глубокой любовью к родине.

Наверняка герой молод, и читателя поражает его искренность и суровая готовность к смерти. Он говорит о том, что его судьбой «никто не озабочен». А его слова о том, что он «умер честно за царя», полны достоинства. Он просит передать «поклон родному краю».

Очень трогательно звучит просьба скрыть известие о его смерти от отца и матери: «Признаться, право, было б жаль / Мне опечалить их». А вот женщина, с которой он уже давно расстался, не будет искренне горевать: «Пускай она поплачет… / Ей ничего не значит!».

Автор очень точно передал лексикой, рифмой, построением фраз, расстановкой знаков препинания характер лирического героя и даже его физическое состояние. Все слова, которые он произносит, именно те, каких ждёшь от обыкновенного солдата. Он точно указывает характер своего ранения («навылет в грудь»), врачей называет лекарями, а родине посылает не привет, не любовь, а именно поклон. А «умер честно за царя» – это точная формулировка извещения о гибели. В монологе раненого солдата много коротеньких, а часто даже не законченных предложений, которые отмечены многоточием (семь многоточий на четыре строфы!). Так автор передаёт прерывистую речь и затруднённое дыхание героя. Той же цели служит скопление звуков *п*, которые имитируют затруднение речи:

Ты расскажи всю **п**равду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она **по**плачет…

Лирический герой стихотворения – типичный для творчества Лермонтова романтический герой с трагической судьбой, который погибает «во цвете лет».

Стихотворение не богато яркими лексическими средствами выразительности. Здесь есть эпитет (*пустое* сердце), использовано обращение *брат*, которое подчёркивает доверительность интонации стихотворения, и устойчивые метафорические выражения (*застать в живых; ранить навылет; послать поклон;*

жить на свете). В стихотворении много восклицательных предложений и умолчаний – это помогает автору передать живую речь. Включены речевые обороты в народном стиле (*сказать по правде; ей ничего не значит*), которые дополняют образ лирического героя.

Формально текст можно разбить на четверостишия с построчной или перекрёстной рифмой в различной последовательности. Размер их также неоднороден: то чёткий четырёхстопный ямб, то разностопный. Такое, на первый взгляд, хаотичное построение стихотворения позволяет передать безыскусную простонародную речь лирического героя.

И. Л. Андроников, известный литературовед, исследователь творчества М. Ю. Лермонтова, отмечал его способность перевоплощаться в героев создаваемых им произведений. В творчестве поэт не был ни тем надменным гордецом, каким видели его в светском обществе, ни язвительным острословом, каким был он в кругу офицеров. Вот и в этом небольшом стихотворении Лермонтов просто, без изысков рассказал историю умирающего воина, будто действительно сам перевоплотился в него – перенял речь и образ мыслей обыкновенного солдата.

Утёс (1841)

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Стихотворение «Утёс» написано Михаилом Лермонтовым в 1841 году, за несколько недель до трагической гибели.

Произведение крошечное – всего два коротких четверостишия. Но в нём – и прекрасный южный пейзаж, и глубокий жизненный смысл.

На первый взгляд может показаться, что стихотворение «Утёс» – просто пейзажная зарисовка. Но поэт, конечно же, рассказал читателю не о бездушной старой скале, а о чувствах одинокого человека.

В основе произведения заложена красивая метафора. Она задана сразу и является организующей для всего стихотворения: мысли человека, его чувства скрыты за образами природных явлений.

В стихотворении два лирических героя. Это легкомысленная золотая тучка – метафора беззаботного человека, которого ничто и нигде не держит. И утёс-великан, который внешне силён и могуч, но душа которого способна искренне любить и глубоко страдать.

Исследователи творчества Лермонтова по-разному трактуют содержание этого стихотворения.

Одни утверждают, что произведение написано о духовном и материальном началах нашей жизни. Истинная гармония мира основана на объединении этих двух начал. Душа без тела, по мнению автора, может великолепно существовать и, как тучка, которая «утром в путь умчалась рано», не испытывает страданий, расставаясь с телом. Тело же без души обречено если не на гибель, то на вечные муки. Оно подобно утёсу, который «одиноко стоит, задумался глубоко и тихонько плачет в пустыне».

Эпитеты, которые выбрал автор для главных героев, подчёркивают контраст между миром духовным и материальным.

Лёгкую и невесомую тучку поэт назвал *золотой*. Утёс же предстаёт перед читателями старым, морщинистым и уставшим от жизни.

Всё стихотворение построено на этом приёме контраста и противопоставления:

ночь – утро;

статика утёса – движения тучки;

весёлость – грусть;

утёс-великан – маленькая тучка.

Есть литературоведы, которые считают, что стихотворение «Утёс» посвящено не единству двух начал, а человеческим взаимоотношениям. Тучка золотая – ветреная красавица, полная жизни, сил, молодости, радости. А утёс – умудрённый опытом пожилой человек, у которого все прелести жизни давно остались в прошлом. Их случайное знакомство приятно, но красавица не захотела остаться со своим новым знакомым – упорхнула, предпочла его обществу компанию подружек. И пожилой мужчина отчётливо ощущает своё одиночество. Не исключено, что в образе старого утёса Михаил Лермонтов изобразил самого себя. Несмотря на молодость, в душе он ощущал себя глубоким стариком. Поэту оставалось лишь смириться со своей участью и признать, что он обречён на вечное одиночество и непонимание.

Беззаботность тучки передана словами, обозначающими быстрые действия (*умчалась, весело играя*) и упоминанием небесной лазури, которая в сознании человека всегда связана с радостью, душевной лёгкостью и спокойствием.

Случайная гостья оставила след в душе утёса-великана – вызвала тяжёлые мысли. Главный мотив стихотворения – мотив одиночества – передан на синтаксическом уровне: поэт разбил предложения по строфам так, что слово *одиноко* оказалось логически выделенным.

Мотив одиночества воплощается также с помощью приёма олицетворения: аллегорические образы утёса и тучки служат выражению глубокой философской мысли автора. Но при всём том, что Лермонтов метафорически изобразил одинокого человека, не имеющего того, о ком он мог бы заботиться и кому он был бы дорог, в стихотворении вовсе не чувствуется безнадёжности. Оно наполнено романтикой и одухотворённостью, которыми автор нередко наделял живую природу, полагая, что многие люди разучились испытывать высокие и благородные чувства.

Особенности лирики М. Ю. Лермонтова – её глубокий психологизм, умение найти точные слова, выражающие самые тонкие человеческие переживания, эмоциональность, простота,

задушевность и музыкальность.

Стихотворение «Утёс» написано пятистопным хореем.

«Выхожу один я на дорогу…» (1841)

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом…
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы…
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Стихотворение было написано летом 1841 года, за несколько дней до дуэли и гибели поэта. Жанр – лирический монолог. Композиционно оно делится на две части.

Начинается стихотворение с прекрасного описания природы – ночного пейзажа. Изображённый здесь мир полон гармонии. Пейзаж простой и в то же время величественный:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит…

Во второй части даётся описание чувств лирического героя. Две эти части противопоставлены, потому что в человеке гармонии нет – он полон беспокойства, муки и даже отчаяния:

Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Но финал соответствует началу – там снова возникает гармоничная, умиротворённая картина и говорится о желании лирического героя навсегда слиться с природой.

Во многих стихотворениях М. Ю. Лермонтова звучат мотивы грусти и одиночества: «Утёс», «На севере диком стоит одиноко», «Парус», «И скучно, и грустно, и некому руку подать…». Но особенно ощутим этот мотив в стихотворении «Выхожу один я на дорогу…».

Да и всё стихотворение состоит из знаковых для Лермонтова мотивов и символов. В первой строфе – это мотив одиночества, странничества. Дорога здесь – это жизненный путь героя, который каждому предопределён свыше, и на этой дороге каждый человек одинок. Дорога лирического героя трудна – «кремнистый путь». Заметен также тревожный мотив неизвестности, неопределённости – герой видит свой путь «сквозь туман». Далее поэт обращается к небесам, «голубому сиянию», а затем к другому космосу – к своей душе.

В последних строчках звучит мотив прошлого и будущего. В будущем лирический герой хотел бы только «свободы и покоя», обрести которые можно, забывшись и заснув. Так в стихотворение вводится тема смерти.

Но эта тема не получает развития, оказывается, что сон – это не смерть, а светлая и прекрасная мечта. И всё в этом сне говорит о жизни, а не о смерти – сладкий голос, поющий о любви, тихое дыханье героя, его чуткий слух. К тому же появляется образ зеленеющего и могучего дуба – символа крепости жизни и её вечности.

Красота и благодать природы в первой части подчёркнуты выразительными средствами языка. Автор использует метафоры (*звезда с звездою говорит; дремали жизни силы*); олицетворения (*пустыня внемлет Богу; спит земля*).

Мотив душевного разлада и одиночества героя задан цепочкой риторических вопросов: «Что же мне так больно и так трудно? / Жду ль чего? жалею ли о чём?»; инверсией: «Уж не жду от жизни ничего я»; восклицательными предложениями и анафорой: «*Я* ищу свободы и покоя! / *Я* б хотел забыться и заснуть!»; «*Чтоб* в груди дремали жизни силы, / *Чтоб*, дыша, вздымалась тихо грудь».

Автор использует ассонансы (***Но*** *не тем* ***хо****л****о****дным сно****м* ***мо****гилы*) и аллитерации (**сл**ух **ле**л**е**я, / Про **л**юбовь мне **сл**адкий

голос пел; Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть). Повторение шипящих звуков придаёт повествованию задушевность, имитирует тихую речь, шёпот в ночи.

Мелодичность и ритм стихотворения определяются и его цезурностью (наличием пауз), которые разделяют стихотворную строку на две половины: «Ночь тиха. // Пустыня внемлет Богу».

По своему характеру стихотворение философское, но оно не звучит отвлечённо. Оно необыкновенно лирично – всё, о чём говорит поэт, становится близко читателю. Стихотворение написано пятистопным хореем, с чередованием мужской и женской рифм. Рифмовка – перекрёстная. Всё это придаёт плавность и музыкальность стиху.

Стихотворение Лермонтова привлекло внимание десятков композиторов, но самым известным стал романс, написанный в XIX веке Е. С. Шашиной.

Родина (1841)

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю – за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Стихотворение «Родина» – одно из последних произведений М. Ю. Лермонтова. Зимой 1841 года поэт ехал с Кавказа в Петербург. Под влиянием увиденных российских просторов – от Кавказа до Балтийского моря, – а также своих впечатлений и раздумий поэт написал это стихотворение. Его можно отнести и к пейзажной, и к философской лирике.

Произведение объединяет в себе жанровые черты оды, думы и лирического стихотворения. В основе построения стихотворения лежит принцип антитезы. Оно состоит из двух частей. В первой части поэт отвергает казённый патриотизм. Во второй – признаётся в любви к России, к её природе, к её народу.

Поэт размышляет о своём отношении к отчизне – о любви к

ней. И в первых же строчках говорит о «странностях» своей любви:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.

Почему он считает свою любовь к России странной?

Его любовь обращена не к Российской державе, а к России народной. Поэт привязан к простым картинам русской природы, русской деревни, и это высокое чувство не дано победить рассудку. Странной свою любовь к родине Лермонтов называет, наверное, потому, что такой она может показаться тем, кто не понимает, как и за что можно любить «степей холодное молчанье…».

Тема родины развивается от широкого плана к более узкому.

Сначала поэт даёт официальное восприятие родины («слава, купленная кровью»; «полный гордого доверия покой»; «старины заветные преданья»), затем следует общее изображение русской природы («степей холодное молчанье»; «лесов безбрежных колыханье»; «разливы рек её»).

После этого следуют детали, связанные с народным бытом («дрожащие огни деревень»; «дымок спалённой жнивы»; «полное гумно»; «изба, покрытая соломой»; «с резными ставнями окно»).

В финале картина ещё более сужается до изображения сельского праздника, на который поэт-путешественник «смотреть до полночи готов».

В каждой изображаемой картине поэт использует различную лексику. В первых шести строках – отвлечённые, общие слова: *отчизна, рассудок, слава*. Затем он употребляет слова, которые обозначают объекты широкого масштаба (географического и топографического характера): *реки, леса, степи, просёлочная дорога*. А во второй половине стихотворения лексика более конкретна: изображены частности (это показано даже грамматически – слова употреблены в единственном числе): *обоз, нива, изба, гумно*.

В своих стихах о природе Лермонтов предпочитает цветовые эпитеты. В «Родине» прямых цветовых эпитетов немного (*жёлтая* нива; *белеющие* березы), и всё же впечатление цветного изображения русской природы присутствует: голубой цвет – реки и моря; зелёный – леса; чёрный – ночь; жёлтый – огни, нивы, солома; белый – берёзы.

Зато как метафоричны эпитеты «*печальные* деревни» и «*безбрежные* леса»! И даже лёгкий оттенок грусти вполне сочетается с жизнеутверждающим, светлым настроением

стихотворения.

Поэт использует также и другие средства художественной выразительности: метафоры (*слава, купленная кровью; полный гордого доверия покой; не шевелят во мне отрадного мечтанья; взором медленным пронзая ночи тень*), олицетворение (*степей холодное молчанье*), анафору (***Её** степей… **Её** лесов*); аллитерацию (***р**азливы **р**ек её, подобные мо**р**ям*); ассонанс (*п**о**лный г**о**рд**о**г**о** д**о**верия п**о**к**о**й*).

Стихотворение написано вольным ямбом. Лермонтов использует различные виды рифмовки: перекрёстную, парную, кольцевую.

Пророк (1841)

С тех пор как вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром Божьей пищи;

Завет Предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

М. Ю. Лермонтов создал целый ряд стихов, в которых высказал своё поэтическое кредо. Это «Кинжал» (1838), «Поэт» (1838), «Не верь себе» (1839), «Журналист, Читатель и Писатель» (1840). «Пророк» – последнее стихотворение, завершающее в его творчестве тему поэта и поэзии. При жизни Лермонтова оно

опубликовано не было.

В этом произведении поэт пытается осмыслить пройденный им путь. И совсем не случайно оно связано со знаменитым стихотворением А. С. Пушкина «Пророк» (1826). Стихотворение Лермонтова является не только продолжением и развитием тех же тем и идей, но и своеобразным полемическим ответом Пушкину.

Так же, как и его великий предшественник, Лермонтов основывается на библейском тексте, но избирает другую книгу Библии – книгу Пророка Иеремии, которая следует за книгой Пророка Исайи, видение которого составляет сюжетную основу стихотворения Пушкина.

Пушкин в «Пророке» показал поэта до того, как тот приступил к своему высокому служению. Лермонтов продолжил наблюдение за судьбой поэта-избранника. Он изобразил судьбу поэта, осмеянного за свою проповедь, судьбу того, кто, вняв «гласу Бога», явился в мир «глаголом жечь сердца людей».

Композиционно стихотворение делится на две части: первая часть – жизнь поэта до ухода в пустыню; вторая часть – поэт в пустыне.

Лермонтов подчёркнуто начинает своего «Пророка» с того момента, на котором остановился его предшественник.

Начало прямо соотнесено с последними строками стихотворения Пушкина. Оба стихотворения поднимают тему поэта и поэзии. В каждом из них миссия поэта – пророческое служение; для обоих авторов эти произведения являются программными. Но при всём сходстве они во многом различны.

Своё стихотворение Лермонтов писал в последние месяцы жизни. Будто предчувствуя свою гибель, он оглядывался на уже пройденный путь и горько признавал: у него нет надежды на признание потомков и нет уверенности в том, что годы творчества не прошли даром. А в глазах людей он читал «страницы злобы и порока»:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья…

Легко понять, о какой правде говорит поэт. Его правда обличала самодержавный строй и крепостничество. Он был окружён злословием и недоброжелателями и чувствовал себя очень одиноким:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу…

В пустыне нашёл поэт свой последний приют. В библейском смысле пустыня всегда была символом страдания и очищения. Пушкинский пророк оказался в пустыне, «духовной жаждою томим». Лермонтовский пророк тоже получает своеобразное утоление жажды. Люди не слушали его в городе, а в пустыне ему не только «тварь покорна… земная», но его слушают звёзды, «лучами радостно играя».

При явном сюжетном соотнесении особенно видна разница в пути, который проделывает каждый из пророков. Композиция стихотворения Пушкина – это движение пророка из «пустыни мрачной» к людям. Пророк Лермонтова, наоборот, поначалу провозглашал «любви и правды чистые ученья», а затем, посыпав «пеплом главу», бежал из городов в пустыню. Так, в стихотворении у Лермонтова, по сравнению с Пушкиным, создано обратное движение.

Ещё заметнее идейно-тематическое различие этих двух произведений. Оба стихотворения заканчиваются обращением, оформленным в виде прямой речи. Но у Пушкина это призыв Божьего гласа, который посылает пророка на его служение, а у Лермонтова – призыв «старцев» к молодому поколению, к «детям»: отречься от пророка и не следовать ему.

Почему в стихотворении Лермонтова всё происходит совсем не так в отношениях поэта-пророка и общества, как предполагалось в пушкинском «Пророке»? Люди не поняли и не приняли пророка? Или же сам пророк оказался не способен исполнить свою великую миссию? Эти вопросы очень волнуют Лермонтова. Путь у каждого пророка свой. Но главное для обоих – несмотря ни на что нести свой крест, выполнять свою тяжкую миссию, свято хранить «завет Предвечного».

Создавая своего «Пророка» как продолжение пушкинского, Лермонтов сознательно выбирает похожие средства художественной выразительности. Стремясь сохранить стиль пушкинского «Пророка», он пользуется устаревшими словами (*судия, град, глава, очи, каменья*), вводит библейскую лексику (*пророк, завет Предвечного, тварь земная*), включает в текст торжественные эпитеты, которые придают стихотворению черты высокого стиля. Автор использует приём антитезы (противопоставления), когда рассказывает об отношениях пророка с природой и людьми. Только природа принимает

изгнанника. Только общение с ней приносит ему душевный покой:

И звёзды слушают меня,
Лучами радостно играя…

А среди людей поэту тяжко – они смеются над его незащищённостью и нищетой:

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!

Восклицательные предложения в двух завершающих строфах звучат вызовом – это момент наивысшего напряжения.

В отличие от Пушкина Лермонтов использует также средства иронии, когда изображает толпу, не признающую и изгоняющую пророка (старцы говорят «с улыбкою самолюбивой»).

В ритмике двух стихотворений, несмотря на одинаковый размер – четырёхстопный ямб, – тоже чувствуется разница. Пушкинское стихотворение звучит плавно и торжественно. Это достигнуто не только выбором высокой лексики, но и особым фонетическим строем – у Пушкина преобладают звонкие согласные и гласный *о*. У Лермонтова в тексте больше взрывных согласных (***п**осы**п**ал **п**е**п**лом; в **п**устыне*), что создаёт напряжённость и прерывистость звучания. А преобладание гласного *у* определяет печальную интонацию (*в п**у**стыне я жив**у**; **у**грюм и х**у**д*).

Продолжая пушкинскую идею поэта-пророка, Лермонтов внёс в её трактовку присущее ему трагическое мировосприятие. Пушкин и Лермонтов заложили основу особого понимания искусства и назначения поэта, которое отличает русскую литературу. «Поэт в России – больше, чем поэт», – это подтверждается последующим развитием русской литературы и творчеством Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Блока, В. Маяковского и многих других писателей и поэтов, каждый из которых по-своему понимал свою задачу в литературе, но никогда не отказывался от высокого служения истине.

Н. А. Некрасов

Тройка (1846)

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьётся алая лента игриво
В волосах твоих, чёрных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается лёгкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживёшь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка…
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдёшь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и чёрной и трудной
Отцветёшь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,

Полном жизни, – появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу,
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой…

Одна из главных новаторских черт творчества Н. А. Некрасова заключается в том, что поэт привнёс в поэзию то, что раньше не было для неё характерным. Впервые в русской литературе быт и тяжёлый крестьянский труд стали предметом высокой поэзии. Среди многих стихотворений Некрасова о народе самыми вдохновенными являются его произведения о русских женщинах. В разные годы поэт размышлял о женской доле в поэмах «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Крестьянка»), в стихотворениях «Родина», «Мать», «Орина, мать солдатская», «Еду ли ночью по улице тёмной…» и многих других.

Сюжетную основу стихотворения «Тройка» составляет рассказ о судьбе молодой крепостной крестьянки. Выйдя на дорогу, она провожает взглядом быстро мчащуюся тройку. Поэт размышляет о судьбе этой девушки. Его размышления полны сочувствия к женской доле. Позиция Некрасова раскрывается и в избранной форме повествования. Стихотворение представляет собой открытое обращение к героине. Поэт обращается к ней на «ты» и ведёт разговор именно с ней, но она не слышит его, конечно, и пока не знает о своей горькой доле.

Произведение имеет кольцевую композицию: его обрамляет поэтический образ промчавшейся тройки. Композиционно стихотворение делится на две части. Первая часть – первые пять строф – рассказывает о настоящем героини. Вторая часть (6—12 строфы) – размышления поэта о будущем этой молодой девушки,

о её судьбе. И по настроению, и по содержанию части контрастны.

Образ крестьянской девушки представлен автором в традициях устной народной поэзии. В первой части девушка полна жизни и ожидания любви. Подбор удивительно красочных эпитетов создаёт яркий и запоминающийся образ: алая лента в волосах, чёрных как ночь, «румянец щеки», «лукавый глазок». Но главное в том, что этот женский образ необыкновенно динамичен. Автор добивается такого эффекта, насыщая текст различными глагольными формами (*бежишь* торопливо; *вьётся* алая лента; *пробивается* лёгкий пушок; *смотрит бойко* лукавый глазок; взгляд… полный чар, *зажигающих кровь*). Подчёркнута не только красота девушки, но и её горячность, живость, которые так свойственны юности.

Кажется, что жизнь тоже должна улыбаться ей в ответ. Всё в построении стиха указывает на то, что даже подходящая пара для девушки есть. Если сравнить вторую и третью строфы, то окажется, что рифмы нечётных строк третьей строфы перекликаются с рифмами чётных строк второй строфы (*торопливо – красиво – диво – игриво*) – красота девушки словно бы созвучна красоте юноши. Славная бы вышла пара! Но шестая строфа становится переломной в рассказе о будущем лирической героини. Многоточие после первых двух строк словно отделяет мечту от реальности. Поэт описывает типичную жизнь крестьянки:

Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

Красавицу ждёт беспросветная жизнь в повседневных трудах и заботах. Примитивное существование, тяжёлый труд, побои неизбежно скажутся на её внешности, жизнь потеряет смысл и радость. Беспощадно, точно и ярко изображает автор картину жизни замужней крестьянки. Будущее безотрадно. После замужества девушку ждут одни только тяготы и заботы, а затем преждевременная старость и смерть. В нарисованной картине присутствуют и традиционные образы семейно-обрядовой поэзии: муж-привередник и злая свекровь.

Вместе с рассказом о будущей жизни меняется и сам женский образ. Разве можно назвать красавицей жену неряхи мужика? Вот почему в описании внешности героини на смену поэтичным эпитетам приходят совершенно прозаические детали:

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь…

На смену красавице, «чернобровой дикарке», приходит уродливая, замученная чёрной работой и забитая мужем-привередником и злой свекровью женщина. Её горькое существование похоже на тяжкий беспробудный сон. Не скрашивают жизнь даже дети.

Динамичный образ стремительной и радостной девушки, весь устремлённый вперёд, в будущее, сменяется статичным женским портретом с выражением «тупого терпенья» и «вечного испуга». И перемена эта не удивительна, потому что это путь от жизни к смерти – к вечному покою. Совсем как похоронный плач звучит 10-я строфа стихотворения:

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдёшь ты тяжёлый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Главное средство выразительности, которое использует Некрасов в данном произведении, – это приём контраста. На нём построена и основа сюжета, и композиция стихотворения.

Приём контраста проявляется и в постепенной смене мажорных эпитетов (*лёгкий* пушок; *лукавый* глазок; подбоченясь *красиво; игриво* вьётся) на прозаизмы (*неряха* мужик; *тупое* терпенье; перетянешь *уродливо* грудь; *в три погибели* гнуть).

Трёхстопный анапест – размер, которым написано стихотворение, – позволяет воспринимать его как песню. Оно было положено на музыку – это известный романс (романсом стала первая часть стихотворения – лирический эпизод встречи героини с «проезжим корнетом»).

Стихотворение заканчивается многоточием. Но последняя строфа проникнута таким чувством горечи, что читателю и не нужно ничего объяснять. Героиня бессильна – ей не нагнать «бешеной тройки». Тройка – красивая метафора, символизирующая быстротечность земной жизни. Она проносится так молниеносно, что человек не успевает даже осознать смысла своего существования, а уж тем более что-либо изменить в своей судьбе. Тройка – это и символический образ мечты каждой девушки о счастье.

Мотив несбывшихся надежд и мечтаний звучит в последних двух строфах, которые содержат ответ на поставленные в начале стихотворения вопросы: «Что ты жадно глядишь на дорогу?..», «И зачем ты бежишь торопливо?..»:

Не гляди же с тоской на дорогу,
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой…

Развёрнутый ответ на вопрос о женском счастье Некрасов даст в своём творчестве много позже – в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (в главе «Крестьянка»). Трагическая участь русской женщины-крестьянки и нереализованные возможности народа в дальнейшем станут для Некрасова главными темами творчества.

«Вчерашний день, часу в шестом…» (1848)

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашёл я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из её груди,
Лишь бич свистал, играя…
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

«Я лиру посвятил народу своему», – сказал о себе Н. А. Некрасов. Всё его творчество обращено к русскому народу, к его характеру, его проблемам. Никто из русских писателей не создал столько произведений о простых людях. По творчеству этого поэта можно изучать жизнь и быт крестьянства, народный язык, обычаи и верования. Произведения Некрасова ярко рассказывают о трагической судьбе народа-страдальца.

О чём бы ни писал поэт, он почти всегда затрагивал тему страданий, тяжёлой доли русского крестьянина и мучительно размышлял, предопределено ли русскому народу всегда быть бесправным или он когда-то воспрянет.

В стихотворении «Вчерашний день…» всего восемь строк, но в нём ярко выражено творческое кредо Некрасова. Поэт сравнивает свою Музу с молодой крестьянкой, называя их родными сёстрами. Такой Музы ещё не знала русская поэзия. Некрасовская земная Муза спустилась с поэтического Олимпа на городские улицы и сельские пашни.

Это стихотворение Некрасов написал в 1848 году – задолго до отмены крепостного права в России. Оно состоит из двух частей. В первой части названо время («вчерашний день, часу в шестом»), место (Сенная площадь в Петербурге) и событие. Во второй части поэт даёт оценку происходящему.

К теме Петербурга Некрасов обращается не в первый раз. Он изображает не парадную столицу, а Петербург простого народа – обычную бытовую уличную сцену. За что-то публично наказывают плетьми молодую крестьянку. Молчание женщины свидетельствует о её особой гордости: она не просит пощады у своих палачей. Такова сюжетная основа стихотворения.

Образ русской крестьянки – один из основных образов поэзии Некрасова. Именно он рассказал нам о женщине «в русском

селеньи», которая «коня на скаку остановит» и «в горящую избу войдёт». Но в этом стихотворении поэт неожиданно поставил рядом с крепостной крестьянкой свою Музу. А в образе Музы обычно представляют красивую молодую женщину в воздушных белых одеяниях с арфой или книгой в руках – женщину-мечту, женщину-вдохновение. И вот рядом с такой Музой – распростёртое на земле тело крестьянки, привычной и к работе, и к побоям, никогда не слышавшей слов благодарности и молча сносящей оскорбления и надругательства.

Что позволило поэту сравнить Музу и крепостную крестьянку?

Как бесправна женщина на Сенной площади, так и русская поэзия XIX века тоже была бесправна. Её избивала критика и цензура. За неблагонадёжные стихи поэта можно было сослать или посадить в тюрьму – и, если не физически расправиться с ним, то нанести морально смертельный удар поэту. Но так же, как и молодая крестьянка, поэзия Некрасова горда и независима от общественного мнения. Так в стихотворении автор соединил две важные для себя темы: тяжёлое положение крестьянства и сложная миссия поэта в обществе.

В произведении использованы метафоры (*бич свистал, играя*), олицетворение (Муза – родная сестра крестьянки), сравнение (поэт сравнивает свою Музу с публично избиваемой женщиной).

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом.

Несжатая полоса (1854)

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна…
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт…
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

Или мы хуже других уродились?
Или недружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несёт им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге – не ест и не пьёт,
Червь ему сердце больное сосёт,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли, как плети.

Очи потускли, и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шёл полосою.

Стихотворение звучит, как монотонная народная песня. И построено оно, как произведение народного жанра. Первые строки рисуют картину поздней осени. На фоне осеннего пейзажа автор увидел несжатую полоску пшеницы, которая навеяла ему «грустную думу». Невозможно представить, чтобы крестьянин, который вырастил хлеб, так пренебрежительно к нему отнёсся, потому что от собранного урожая зависит, придётся крестьянину зимой голодать или нет. Некрасов использует приём олицетворения: одушевлены пшеничные колосья и ветер. Спелые колосья спрашивают: «Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?» А ветер приносит в ответ печальную историю о больном и немощном пахаре. Отчаянием и безысходностью пронизаны эти строчки. Осиротевшая земля напрасно ждёт своего хозяина, сломленного непосильным трудом.

Через всё стихотворение проходит рефрен: «скучно нам», создавая тяжёлое настроение. Поэт также использует художественный приём, ещё более усиливающий впечатление: он противопоставляет поэтические образы, например, тучные зёрна и высохшие в щепку руки пахаря. Безнадёжностью, страхом и смирением веет от нарисованного Некрасовым осеннего пейзажа. Изображённая картина невольно вызывает ассоциации с таким же тягостным состоянием русского народа. Добивается автор этого ощущения парной рифмовкой стиха, повторами (рефренами), параллелизмом образов – всё это характерные черты русской народной песни.

Необходимо отметить также основные средства выразительности: использование эпитетов (*грустная* дума; *печальный* ответ; *больное* сердце; *заунывная* песня) и олицетворений (*лес обнажился; шепчут колосья; ветер несёт ответ*).

Стихотворение написано четырёхстопным дактилем.

Размышления у парадного подъезда (1858)

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав своё имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектёры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадёжно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами…

А владелец роскошных палат
Ещё сном был глубоким объят…
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть ещё наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру…

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не даёт.
И к чему? Щелкопёров забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою
И со славой умрёшь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя
Ты уснёшь, окружён попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдёшь ты в могилу… герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней… Ещё веселей

В чём-нибудь приискать утешенье…
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало… да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут… Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздаётся
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовётся —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон… Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснёшься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

Н. А. Некрасов – единственный русский поэт, который полностью посвятил своё творчество теме народа. Он рисовал горькую крестьянскую долю, суровую жизнь крепостных.

Стихотворение относится к позднему периоду творчества поэта, когда для него стало характерно не только изображение трагической судьбы русского народа, но и размышления о

способах облегчения его участи. Многие произведения Некрасова насыщены социальным подтекстом, призывающим народ бороться за своё освобождение. Это стихотворение тоже является таким примером.

Сюжетная основа стихотворения – реальный факт. Из окна своей петербургской квартиры на Литейном проспекте поэт однажды увидел, как от дома напротив, где жил могущественный министр М. Н. Муравьёв, дворники и городовой прогоняли крестьян.

Парадный подъезд стал для Некрасова символом российского государства, а крестьяне-ходоки – представителями всей бесправной крестьянской России. Само название произведения тяготеет к высокому жанру ломоносовской оды и является художественным обобщением.

Композиционно в произведении выделяются три части. В первой даётся описание парадного подъезда в торжественные дни. Во второй части – описание парадного подъезда в обычные дни и изображение русских мужиков-просителей. В третьей части дан образ знатного вельможи и обращение лирического героя к «владельцу роскошных палат», к родной земле, к Волге и ко всему русскому народу.

Все эти обращения остаются без ответа, представляя собой лишь размышления лирического героя. Однако произведение включает в себя также жанровые черты сатиры, оды, памфлета, элегии и народной песни.

Картина парадного подъезда знатного вельможи «по торжественным дням» представляет собой сатирическое описание:

> …Одержимый холопским недугом,
> Целый город с каким-то испугом
> Подъезжает к заветным дверям;
> Записав своё имя и званье,
> Разъезжаются гости домой,
> Так глубоко довольны собой,
> Что подумаешь – в том их призванье!

Парадный подъезд «в обычные дни» изображается уже нейтральными интонациями. Просителями здесь выступают «прожектёры», «искатели мест», «преклонный старик», «вдовица», приходят и уходят «курьеры с бумагами». Но однажды лирический герой увидел иных просителей – русских мужиков, пришедших из каких-то дальних губерний. Вероятно, они проделали тяжёлый и долгий путь, чтобы найти правду в

Петербурге. За частным случаем поэт видит глубину народной трагедии. Образ крестьян – центральный образ стихотворения. Он является собирательным, обобщённым. Не случайно автор называет крестьян «пилигримами», то есть библейскими паломниками, которые ищут правды. Этот образ усилен мотивом палящего солнца.

Некрасов даёт развёрнутый портрет крестьян:

…некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах.
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых…

Нищета и непосильный труд – главные условия их жизни. А на лицах мужиков застыло «выраженье надежды и муки». Они не осуждают швейцара, не пустившего их на порог («Суди его Бог!»), а лишь безнадёжно разводят руками и уходят.

Положенный в основу композиции принцип антитезы, даёт возможность противопоставить участь крепостных крестьян и жизнь владельца роскошных палат, который «не любит оборванной черни».

В то время как убогие просители стоят у дверей, он ещё спит. Персонаж этот изображён сатирически. Жизнь его – «вечный праздник». Ценности его – волокитство, обжорство, игра. Судьба народа его нисколько не волнует. По гневным интонациям эта часть стихотворения напоминает памфлет:

…Щелкопёров забавою
Ты народное благо зовёшь;
Без него проживёшь ты со славою
И со славой умрёшь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни…

Любопытна лексика, которую использует здесь автор. Щелкопёрами в обывательском кругу презрительно называли писателей, вступавшихся за народные интересы. Также здесь употреблено выражение «аркадская идиллия». Аркадия – это область в Древней Греции, которая, по преданию, была населена беззаботными пастухами и пастушками. Этот образ нужен Некрасову, чтобы подчеркнуть контраст между господской

идиллией и тяжёлым положением народа.

Прототипами образа «владельца роскошных палат» стали министр государственных имуществ М. Н. Муравьёв, которого впоследствии за зверства при подавлении восстания в Польше в 1863 году прозвали Муравьёв-вешатель, и князь А. И. Чернышов, насаждавший при Николае I палочную дисциплину в армии. Именно Чернышов доживал свою жизнь «под пленительным небом Сицилии».

От образов измученных дорогой мужиков-просителей Некрасов переходит к обобщённому образу стонущей Руси, переполненной великой скорбью народной. Художественное пространство стихотворения расширяется. Частный случай чиновничьего произвола перерастает в масштабную картину народных страданий: «Назови мне такую обитель, / Я такого угла не видал, / Где бы сеятель твой и хранитель, / Где бы русский мужик не стонал?».

Используя приём гиперболы, Некрасов сравнивает скорбь народа с весенним разливом Волги:

Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля…

Звучание стихотворения приобретает песенную интонацию. Здесь есть и повторы, характерные для народной песни (*стонет он… стонет он*), и внутренние рифмы, и многочисленные призывы лирического героя.

Но и песни русского народа представляют собой один непрерывный стон: «Этот стон у нас песней зовётся».

Поэт использует различные средства художественной выразительности. Он вводит эпитеты (*убогие* лица; *пленительное* небо; солнце *пурпурное;* лесть *бесстыдная*).

Можно выделить в тексте метафору и антитезу (*Не страшат тебя громы небесные, / А земные ты держишь в руках*), анафору (***Где бы** сеятель твой и хранитель, / **Где бы** русский мужик не стонал?*). Использован синтаксический параллелизм (*Стонет он по полям, по дорогам, / Стонет он по тюрьмам, по острогам*), бессоюзие и ряды однородных членов (*«Упоение лестью бесстыдною, волокитство, обжорство, игру…»*). Можно выделить приёмы аллитерации (***з**аписав **с**воё имя и **з**ванье; **В**олга! **В**олга!.. **В**есной многоводной*) и ассонанса (*ст**о**нет **о**н п**о** п**о**лям, п**о** д**о**р**о**гам*). В стихотворении употребляются слова высокого стиля (*пилигримы, почил, отчизна, лепта, тризна*).

Стихотворение сразу же подверглось цензурному запрету. Впервые оно было опубликовано в 1860 году в газете «Колокол» в Лондоне. В России оно к тому времени было широко известно в рукописных копиях.

В стихотворении сочетаются трёхстопный и четырёхстопный анапест, рифмовка – перекрёстная, кольцевая и парная.

Железная дорога (1864)

В а н я (в кучерском армячке). Папаша! кто строил эту дорогу?

П а п а ш а (в пальто на красной подкладке). Граф Пётр Андреич Клейнмихель, душенька!

Разговор в вагоне

1
Славная осень! Здоровый, ядрёный
Воздух усталые силы бодрит;
Лёд неокрепший на речке студёной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! —
Листья поблекнуть ещё не успели,
Жёлты и свежи лежат, как ковёр.

Славная осень! Морозные ночи,
    Ясные, тихие дни…
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю…
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
    Думаю думу свою…

2
Добрый папаша! К чему в обаянии
    Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
    Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, —
    Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
    Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами

Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотёсцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские…
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стёкла морозные…
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мёрзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда…
Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено…
Всё ли нас, бедных, добром поминаете,
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои – мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, измождён лихорадкою,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век…
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь ещё: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мёрзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять…
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную…
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что Господь ни пошлёт!

Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придётся – ни мне, ни тебе.

3

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,

Русских племён и пород представители
Вдруг появились – и *он* мне сказал:
„Вот они – нашей дороги строители!..“»

Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же… всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал!»
«Я говорю не для вас, а для Вани…»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребёнку теперь показали
Светлую сторону…»

4

«Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладёт.
Мёртвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался…
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
„Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..“ – махнули рукой…

В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно…
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
„Ладно… нешто… молодца… молодца!..

С Богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – *недоимку дарю!*..“

Кто-то „ура“ закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее… Глядь:
С песней десятники бочку катили…
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком „ура!“ по дороге помчал…
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

В основе рассказанного поэтом лежат реальные события – строительство железной дороги между Петербургом и Москвой. Эта тема для второй половины XIX века была актуальной. Появление в России железной дороги открывало неограниченные возможности. Но разве задумывались люди над тем, кто и какую цену заплатил за то, чтобы Россия превратилась в развитую европейскую державу? Железную дорогу строили бывшие крепостные крестьяне, которые, получив свободу, попросту не знали, как ею распорядиться. На стройку века их пригнал голод. На строительстве погибло несколько тысяч человек, и об этом Некрасов очень хотел рассказать своим читателям.

Всё стихотворение – раскрытие смысла эпиграфа (диалога, случайно услышанного в вагоне). На вопрос сына «папаша» отвечает, что железную дорогу между Петербургом и Москвой строил граф П. А. Клейнмихель, управляющий ведомством путей сообщения при Николае I. Эпиграф насыщен сарказмом, а всё произведение служит страстным его опровержением. Основная тема стихотворения – размышления о трагической судьбе

русского народа, о его роли в создании духовных и материальных ценностей.

Многие исследователи называют «Железную дорогу» поэмой, синтезирующей в себе элементы различных жанровых форм: драмы, сатиры, песни и баллады. Композиционная структура произведения сложная – оно построено в форме беседы пассажиров. Условным попутчиком является сам автор.

Стихотворение разделено на 4 главы.

Первая глава начинается пейзажной зарисовкой «славной осени». Лирический герой восхищается красотой природы и замечает: «Нет безобразья в природе!» Так автор подготовил читателя к восприятию различных противопоставлений, на основе которых построено всё стихотворение. Природе, в которой всё разумно и гармонично, он противопоставляет безобразия, которые происходят в человеческом обществе.

Вторая глава – завязка и развитие действия. Лирический герой рассказывает «умному Ване» правду о строительстве железной дороги – о каторжном труде народа, голодом согнанного на строительство. Особенно контрастна эта картина на фоне изображения гармонии в природе, которая дана в первой главе.

Поэт рисует фантастическую картину: из горькой песни мертвецов мы узнаём об их несчастной судьбе. Некрасов вычленяет из общей толпы «белоруса» и на примере его судьбы рассказывает трагическую историю строительства железной дороги. Здесь же лирический герой обозначает свою позицию. Огромное уважение к труженикам, «братьям», к их подвигу звучит в следующих строках:

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять…
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Народ у Некрасова показан и как терпеливый раб, и как великий труженик, заслуживающий восхищения. Лирический герой верит в силу русского народа, в его особенную судьбу, в светлое будущее. Он верит, что народ «Вынесет всё – и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе». Эти строчки являются кульминационными в развитии лирического сюжета. Но поэту приходится признать: «Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придётся – ни мне, ни тебе». Образ дороги приобретает метафорический смысл – это особый путь русского народа, многострадальной России.

Третья глава противопоставлена второй. Переход от сна Вани к действительности резок. Пробуждение мальчика неожиданно – он разбужен оглушительным свистком.

«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,

Русских племён и пород представители
Вдруг появились – и *он* мне сказал:
„Вот они – нашей дороги строители!..“»
Захохотал генерал!

Свисток разрушил сон, генеральский хохот разрушил поэзию. Здесь происходит спор лирического героя и генерала. Отец Вани, генерал, высказывает своё отношение к мужику – он презирает чернь. Он предъявляет обвинение даже не народу, а народам:

Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..

Генерал советует показать Ване «светлую сторону» строительства.

Четвёртая глава представляет собой бытовую зарисовку. Это своеобразная развязка. С горькой иронией лирический герой рисует картину окончания трудов. Всё, что заработали мужики каторжным трудом, – это прощённая недоимка да бочка вина. Но и это не самое горькое – вместо ожидаемого, казалось бы, недовольства и возмущения:

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал…

«Светлая сторона» оказывается ещё более безысходной и беспросветной.

В стихотворении много различных лирических интонаций: повествовательная, разговорная, декламационная; сцена с изображением мертвецов приближает произведение к балладному жанру. Но всё произведение окрашено традиционной для Некрасова песенной тональностью.

Лексика для создания стихотворения выбрана нейтральная. Можно отметить самые различные средства художественной

выразительности, использованные автором: эпитеты (*славная* осень; дебри *бесплодные;* губы *бескровные; толстый, присадистый* лабазник; *мирные* дети труда; *ядрёный* воздух); сравнение (лёд… *как тающий сахар*); анафору (***Едет** подрядчик… / **Едет** работы свои посмотреть*); инверсию (*привычка к труду благородная*); аллитерацию (***л**истья побл**е**кнуть… не успел**и***); ассонанс (*всюд**у** родим**у**ю Р**у**сь **у**знаю*).

Произведение написано четырёхстопным дактилем, рифма – перекрёстная.

Элегия (1874)

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая – «страдания народа»
И что поэзия забыть её должна.
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы её могли состарить годы!
Процвёл бы Божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ
В то время, как она ликует и поёт,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен…
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба…
Я видел красный день: в России нет раба!
…И слёзы сладкие я пролил в умиленьи…
«Довольно ликовать в наивном увлеченьи, —
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперёд:
Народ освобождён, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы, —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настаёт. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,

Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,
Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлёт свои отзывы,
И лес откликнулся… Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта,
Увы! не внемлет он – и не даёт ответа…

Стихотворение Н. А. Некрасов посвятил своему другу А. Н. Еракову. Поэт послал ему «Элегию» в день именин вместе с письмом: «Посылаю тебе стихи. Так как это самые задушевные и любимые из написанных мною в последнее время, то посвящаю их тебе, самому дорогому моему другу».

Поводом же к написанию этого произведения стало выступление историка литературы О. Ф. Миллера, в котором он утверждал, что поэт стал повторяться и что «непосредственное описание страданий народа Некрасовым исчерпано».

Жанр произведения указан в его названии – элегия. В переводе с древнегреческого языка элегия – жалоба; она передаёт грустные переживания, как правило, любовные. К этому жанру обращались многие поэты-романтики: Баратынский, Жуковский, Батюшков. Некрасов изменил традицию – написал грустные размышления о судьбе русского народа после реформы 1861 года, отменившей крепостное право. Композиционно стихотворение делится на три части. Первая часть – зачин, в котором поэт обращается к юношеству и определяет тему своего произведения. Вторая часть – развитие темы; автор формулирует своё представление о назначении поэта. Третья часть – концовка; поэт размышляет о судьбе русского народа. Начинается и заканчивается стихотворение одним и тем же мотивом – автор говорит о народных страданиях, а значит, композицию стихотворения можно назвать кольцевой.

Лирический герой стихотворения считает, что для поэта нет предмета достойнее и значительнее, чем «Толпе напоминать, что бедствует народ / В то время, как она ликует и поёт, / К народу возбуждать вниманье сильных мира…». Эти строки звучат взволнованно и даже торжественно.

Поэт определяет тему своего творчества в целом и этого

произведения в частности – «страдания народа». Есть в «Элегии» строки, которые явно перекликаются со стихотворением Пушкина «Деревня».

Некрасов:

…Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам,
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..

Пушкин:

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам…

Этой реминисценцией Некрасов хочет обратить внимание читателя на то, что со времён Пушкина в жизни народа ничего не изменилось, хотя уже 13 лет прошло после отмены крепостного права.

Как и полагается в элегии, в «Элегии» Некрасова тоже есть описательная часть. Поэт рисует картину жизни послереформенной русской деревни. Он восхищается и природой, и трудом крестьян. Но заканчивается строфа риторическими вопросами:

Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода, наконец, внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев…

Но размышления эти слышит лишь окружающий его пейзаж: «И песнь моя громка!.. / Ей вторят долы, нивы, / И эхо дальних гор ей шлёт свои отзывы, / И лес откликнулся… Природа внемлет мне…». А как же народ, о чьей судьбе так беспокоится поэт? «Увы! не внемлет он – и не даёт ответа…».

Автор использует умолчание не только после риторических вопросов и восклицаний, но и в конце стихотворения. Народ не слышит его вопросов. Поэта поражает долготерпение крестьян. Они так привыкли быть зависимыми, что продолжают по

привычке нести трудовую повинность. Освобождение от крепостного права не принесло ожидаемых перемен в судьбе русского народа. В этом и заключается идея «Элегии» Некрасова.

Оглядывая свой жизненный путь, лирический герой восклицает: «Я лиру посвятил народу своему…» – эта строчка стала лейтмотивом, девизом, сущностью всего творчества Некрасова.

Поэт использует самые разнообразные средства художественной выразительности. В стихотворении много ярких эпитетов (*сладкие* слёзы; *красный* день; *золотая* жатва; *довольное* дитя, *тайные* вопросы), использовано олицетворение (*и лес откликнулся*), метафора (*служить им будет Муза*), сравнение (*как тощие стада* по скошенным лугам), анафора (***И** эхо дальних гор… **И** лес откликнулся*).

Поэт включает в произведение высокую лексику (*лира, внемлет, внимаю, влачатся, рок, девы*). Он использует восклицательные предложения (*Но каждый в бой иди!*), риторические вопросы (*Чему достойнее служить могла бы лира?*), фразеологические обороты (*сильные мира*) и умолчания – это приближает стиль произведения к публицистическому.

Стихотворение написано шестистопным ямбом с пропусками ударений (традиционной для элегий строкой), рифмовка – перекрёстная.

Ф. И. Тютчев

Фонтан (1836)

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осуждён.

О смертной мысли водомёт,
О водомёт неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя метёт?
Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Стихотворение относится к философской лирике Ф. И. Тютчева, оно написано в годы расцвета его таланта. В это же время он создал такие шедевры, как «Весенняя гроза», «Осенний вечер», «Бессонница» «Зима недаром злится…» и другие. И. С. Тургенев так писал о творчестве этого поэта: «Каждое его стихотворение начиналось мыслию…».

Тютчев обращается к читателю, собеседнику, привлекая внимание к картине, изображающей фонтан. С фонтаном он сравнивает человеческую мысль. Закон, по которому она живёт, поэт называет непостижимым.

Человеческая мысль, по Тютчеву, неистощима, но в то же время она не может до конца проникнуть в тайны Вселенной. Как и фонтан, она неудержимо стремится ввысь, к небу, но и для неё есть предел, некая граница, через которую она перейти не может – её остановит «длань незримо-роковая». Мысль, жадно рвущаяся ввысь, осуждена, подобно струям воды в фонтане, «ниспасть на землю».

Внутри каждой строфы ощущается линия «подъёма» и «нисхождения».

В первой строфе:

Лучом поднявшись к небу, он

Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осуждён.

Во второй строфе:

Как жадно к небу рвёшься ты!..
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Стихотворение композиционно делится на две части – на две строфы, каждая из которых состоит из восьми строк. В первой части изображён фонтан, во второй – поэт описывает движение человеческой мысли. Такую композицию обычно называют «зеркальной».

Образ непрерывного движения воды в фонтане, нарисованный в первой строфе, иллюстрируют прямое значение слова *фонтан* (струя воды, бьющая вверх). Во второй части речь идёт о человеческой мысли и задействовано переносное значение слова *фонтан* (неиссякаемый, обильный поток чего-либо).

Первую часть стихотворения можно назвать иллюстрацией, живописной картинкой, тогда как вторая часть – философское размышление. Связь между частями прямая и неразрывная – сопоставляя их, читатель может понять идею произведения.

Вторая строфа даже с внешней стороны выглядит гораздо эмоциональнее первой. В первой использованы «спокойные» знаки препинания: запятая, точка, тире, точка с запятой. Во второй строфе – не только восклицательный и вопросительный знаки, но есть даже особый синтетический знак препинания (!..). Риторические восклицания и риторический вопрос вовлекают читателя в авторские раздумья. Понятно, что философское зерно стихотворения, его идея заключены во второй части стихотворения.

Важно и то, что в самом облике главного образа произведения есть детали, на которые интересно обратить внимание. Графическое изображение буквы *ф* каким-то волшебным образом напоминает фонтан. К тому же она своеобразно отражает композицию стихотворения: кроме двух кругов у неё есть стержень, соединяющий их посередине – и в композиции стихотворения Тютчева тоже есть некая вертикаль, соединяющая небесное и земное. Получается, что заглавный образ выбран автором не случайно. Фонтан прекрасно

символизирует картину вечного движения к высокой цели: воды – к небу, человеческой мысли – к истине.

Идею стихотворения Фёдора Ивановича Тютчева, наверное, можно изложить просто: мир, в котором мы живём, прекрасен и удивителен, он неисчерпаем и не может быть познан человеком до конца.

Возвышенная лексика, метафоры соединяют образ фонтана с образом «смертной мысли» человека.

В первой части стихотворения образная система более живописна, ярче цветовая палитра художника. Автор использует романтические эпитеты (фонтан *сияющий;* пыль *огнецветная;* высота *заветная*), яркую лексику (*пламенеет; солнце; луч*), метафоры (*облако живое; лучом поднявшись к небу*). Эпитеты являются одновременно метафорами (фонтан *сияющий; влажный* дым; высота *заветная;* пыль *огне-цветная*). Метафоры содержатся и в сравнениях (*облаком живым* фонтан… клубится; *пылью огне-цветной* ниспасть на землю осуждён).

Эмоциональная насыщенность стихотворения усиливается использованием разнообразных синтаксических конструкций.

Первые четыре строки, объединённые общей рифмой, представляют собой сложноподчинённое предложение с главным, состоящим из одного слова: «Смотри…», – которое содержит обращение и призыв. Повтор союза *как* привлекает внимание к объекту изображения – фонтану, связывая между собой глаголы *клубится, пламенеет, дробится*, что помогает сделать картину зримой.

Важную стилистическую роль играет инверсия, которая подчёркивает значимость слов (*облаком живым фонтан сияющий клубится; его на солнце влажный дым; длань незримо-роковая; луч упорный*).

Вторая строфа, в которой автор обращается к философским вопросам бытия, наполнена более абстрактными образами, словами с высокой стилистической окраской, в том числе и устаревшими (*стремит, длань*). Особенно значима замена слова *фонтан* синонимом *водомёт*.

Чтобы усилить впечатление, автор прибегает к повторам.

В стихотворении два раза повторяется слово «луч»: луч фонтана и луч «смертной мысли». Это сопоставление подчёркивает тщетность стремлений человека постигнуть все тайны Вселенной.

Заканчивается произведение словом «высоты». Оно тоже прозвучало в самом начале, в сопровождении эпитета *заветная* («коснулся высоты заветной»). Теперь оно звучит по-другому:

Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.

Интересно рассмотреть, как меняется художественное пространство и художественное время в этом произведении.

На первый взгляд, обе части стихотворения кажутся организованными однотипно: движение (воды в фонтане и мысли) сначала идёт вверх, а затем следует неумолимый спуск вниз. В этом движении есть некая обречённость – кажется, что невозможно вырваться за пределы этого круга. Но внимательному взору читателя открывается, что эти два круга вовсе не одинаковы.

Первый круг небольшой – это движение воды в фонтане по замкнутому кругу, это материальный мир. Второй круг намного больше – это круг мысли, который можно расширять бесконечно. Чем шире круг, тем ближе к истине находится человек.

Художественное время в тексте первой строфы можно определить словом *сейчас*, а во второй – словом *всегда* (автор подсказывает это словами «закон непостижимый»).

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, рифма – кольцевая.

А. А. Фет

«Шёпот, робкое дыханье…» (1850)

Шёпот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

В русской поэзии трудно найти поэта более мажорного и светлого, чем Афанасий Фет. В его творчестве отсутствуют гражданские мотивы и социальные вопросы. Основные темы его произведений – природа, любовь, красота. Поэт считал, что назначение поэзии – помочь человеку выйти из мира страданий и печали окружающей жизни и погрузиться в мир красоты. Он утверждал:

Нельзя пред вечной красотой
Не петь, не славить, не молиться.

Природа в произведениях Фета – объект художественного восторга и эстетического наслаждения. Образы природы у него никак не связаны с человеческими нуждами и трудом (как, например, у Н. А. Некрасова).

Стихи Фета создают настроение, как картины художников-импрессионистов. Стихотворение «Шёпот, робкое дыханье…» часто сравнивали с картинами импрессиониста Поля Синьяка «Гавань в Марселе» и «Сосна». Обе картины написаны лёгкими мазками, даже точками, и создают ощущения, связанные с законом оптического восприятия. Когда соединяются световые лучи, у зрителя синтезируется нужный цвет. Примерно то же самое происходит при прочтении стихотворения Фета.

Перед нами три короткие строфы, рассказывающие о

любовном свидании.

В первом четверостишии описание вечера дано мелкими мазками-существительными: *шёпот, дыханье, серебро, колыханье*. В соединении с эпитетами они передают ощущение от встречи влюблённых.

Второе четверостишие даёт описание ночи любви. Эпитет *ночной* в первой строке усиливает магию ночи, которая изменила черты лица возлюбленной.

Третье четверостишие описывает утро, слёзы счастья, расставание влюблённых:

И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..

В каждой строфе – свои краски и звуки, а всё вместе сливается в красоту и магию ночи любви и любовного свидания.

Есть интересная особенность у этого произведения: во всём стихотворении нет ни одного глагола. Все действия остаются как бы за кадром, а имена существительные придают каждой фразе необычный ритм, размеренный и неторопливый. Вместе с тем, стихотворение вовсе не статично. Более того, оно передаёт беспрестанное движение и изменение в природе и в отношениях между влюблёнными. Стихи заставляют работать воображение читателя – «дорисовывать» недостающие детали.

Как этого добился автор?

Поэт подобрал такие существительные, которые содержат в себе категорию глагола и являются своего рода подлежащими-сказуемыми: *шёпот, дыханье, трели, колыханье, лобзания, слёзы*.

Рядом с этими словами находятся существительные, служащие дополнениями к ним: *трели* ***соловья****, колыханье* ***ручья***.

Важную роль играют запятые – они как бы обрамляют отдельные картины и образуют между ними паузы.

Точек на протяжении всех трёх строф нет – стихотворение читается как одно предложение.

Новизна и необычность этого действительно новаторского произведения заключаются в том, что оно говорит обо всём, ничего при этом не называя.

Не названа, например, луна, хотя без её света невозможна игра теней, придающих динамику нарисованной картине. Ничего не сказано о самом любовном свидании – просто передано его течение от ночи к утру.

Внимательный читатель заметит, как «пурпур розы», разрастаясь в «дымных тучках», переходит в зарю.

Не названа и сама любовь, но есть её переживание – «ряд

волшебных изменений милого лица».

Стихотворение на долгие годы стало настоящей эмблемой творчества Афанасия Афанасьевича Фета.

А. А. Блок

«Предчувствую Тебя. Года проходят мимо…» (1901)

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнёшь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьёв

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Все стихотворения цикла «Стихи о Прекрасной Даме», принёсшего Александру Блоку огромную известность, посвящены Любови Дмитриевне Менделеевой.

Культ Прекрасной Дамы возник ещё в Средневековье. Уже тогда в произведениях поэтов этот образ вбирал в себя черты и конкретной красавицы, и Мадонны. И у Блока Прекрасная Дама – это слияние земной женщины и Пресвятой Девы. Она предстаёт в трёх обликах: в космическом восприятии – это Душа мира, в религиозном – это Царица Небесная, в повседневном – это нежная, немного надменная девушка, в образе которой угадываются черты Л. Д. Менделеевой. Лирический герой называет её высокими словами: *Дева, Заря, Величавая Вечная Жена, светлая, ясная, лучезарная, непостижимая, Владычица*

вселенной. Во всех стихах цикла слова, обозначающие этот образ, написаны автором с заглавной буквы. Образ Прекрасной Дамы неотделим от образа на иконах в золоте риз и сиянии лампад. Лирический герой мыслит свою жизнь лишь как молитвенное служение своей возлюбленной. Он предчувствует Её появление – «весь горизонт в огне». Свет, огонь являются цветовой доминантой в стихотворении: «горизонт в огне», «ясен нестерпимо», «лучезарность близко». Над Ней льётся поток света. Свет исходит и от Неё самой, словно от святой.

Но, предчувствуя, что Её появление близко, лирический герой вдруг ощущает страх. Он боится, что Её «привычные черты» изменятся, что он не узнает своего идеала и что его мечты окажутся только сном. Об этом говорит и эпиграф к стихотворению: «И тяжкий сон… ты отряхнёшь…». С символом крушения мечты связаны такие выразительные средства, как эпитеты (*дерзкое* подозренье; падение *горестное и низкое*) и метафора (*смертельные мечты*).

«Лучезарность близко», но герою страшно, что Прекрасная Дама изменит свой облик. Мотив нетерпеливого ожидания возлюбленной перекликается с мотивом боязни этой встречи. Герой боится, что непорочная Прекрасная Дама может превратиться в греховное земное создание, а её схождение в мир окажется падением. Как хотелось бы лирическому герою, чтобы его Прекрасная Дама всегда воплощалась в некое Божественное начало, способное спасти человечество и возродить его к новой прекрасной жизни!

Александр Блок придерживался теории символизма не только в творчестве, но и в повседневной жизни, поэтому каждое событие воспринимал, как предзнаменование. Стихотворение «Предчувствую Тебя…» было написано за два года до того, как Любовь Менделеева стала его женой. Оно действительно оказалось пророческим. Предчувствия Блока оправдались, его семейная жизнь была сложной, но поэт до самой смерти верил в то, что его избранница дарована ему свыше.

Стихотворение написано двустишиями, разностопным ямбом.

«Вхожу я в тёмные храмы…» (1902)

Вхожу я в тёмные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.

В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озарённый,
Только образ, лишь сон о Ней.

О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.

О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.

Это стихотворение Александра Блока вобрало в себя все основные мотивы цикла «Стихи о Прекрасной Даме».

Главный мотив стихотворения – ожидание встречи с Прекрасной Дамой и высокое служение Ей. Всё произведение овеяно атмосферой мистической тайны и чуда. Здесь всё неуловимо, всё только намёк. Какие-то отблески, мерцания, надежды на непостижимое чудо – на явление Прекрасной Дамы, в образе которой воплотилось некое Божественное начало.

Слова лирического героя обретают характер торжественного гимна, молитвенного песнопения, с которым верующие обычно обращаются к своему Божеству. Текст произведения состоит из обращений и восклицаний, выражающих безмерное восхищение героя. Событий не происходит. Есть только ожидание: лирический герой видит себя в образе преданного рыцаря, давшего высокий обет вечного служения своей Прекрасной Возлюбленной.

Лирический герой называет свою возлюбленную Величавой Вечной Женой, Милой, Святой. Так высок и свят образ Прекрасной Дамы, что все обращения к ней написаны автором с большой буквы. И не только эти слова, но и местоимения: *Ты, о*

Ней, Твои.

Ритуальность и святость происходящего подчёркнута также изображением храма, горящих свечей и лампад. Само стихотворение звучит, как молитва. Лексика торжественная: использовано много высоких, красивых и устаревших слов, подчёркивающих исключительность события (*совершаю обряд; мерцанье лампад; озарённый; ризы; отрадны*). Любовь к Прекрасной Даме – это своеобразное таинство. Героиня предстаёт и в облике Величавой Вечной Жены, и в облике просто земной женщины, когда лирический герой называет её Милой.

Лирический герой ожидает чуда – появления таинственной Незнакомки. Его одинокая, встревоженная душа стремится к возвышенному, ждёт откровения, перерождения. Это ожидание – томительное, напряжённое, тревожное.

Поэт использует символику красного цвета. Во всех стихотворениях, посвящённых Прекрасной Даме, красный цвет – это и огонь земных страстей, и знак Её появления. В этом стихотворении лирический герой ждёт Её появления при свете красных лампад. Эпитет *озарённый* тоже отражает этот цвет:

> А в лицо мне глядит, озарённый,
> Только образ, лишь сон о Ней.

Прекрасная Дама – это мечта, идеал, но счастье с Ней возможно не на земле, а в вечности, в мечтах.

В этом стихотворении присутствуют привычные для любовной лирики мотивы: мечты о Ней, надежда на встречу.

Но образ Прекрасной Дамы необычен. Это не только реальная возлюбленная лирического героя, но и Душа Мира. Лирический герой – не просто влюблённый, а Человек вообще, который стремится к слиянию с Душой Мира – к достижению абсолютной гармонии. В таком прочтении стихотворение воспринимается уже не как любовная, а как философская лирика.

Мечта о встрече с Прекрасной Дамой – это желание уйти из реального мира, от недостойных людей, для которых «истина в вине», в наживе и корысти. Используя ассоциации, образы и символы, Александр Блок пишет не только о любви, но и о сложном, неизведанном мире, пробуждающем в душе гармонию, красоту, добро.

Для усиления впечатления Блок использует эпитеты (*тёмные* храмы; *бедный* обряд; *ласковы* свечи; *отрадны* черты). Эмоциональность усиливают олицетворения (*бегут… улыбки, сказки и сны; образ глядит*) и риторические восклицания (*О, я привык к этим ризам / Величавой Вечной Жены!; О, Святая, как*

ласковы свечи, / Как отрадны Твои черты!). Использованы ассонансы (*Т**а**м жду я Прекр**а**сной Д**а**мы / В мерц**а**ньи кр**а**сных л**а**мп**а**д*).

Стихотворение написано трёхударным дольником. Стопа разносложная с ударением на разных слогах, рифма – перекрёстная.

«Мы встречались с тобой на закате…» (1902)

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утончённость мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди – на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь…
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло…
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

Это стихотворение Александра Блока относится к циклу «Стихи о Прекрасной Даме». В нём два мотива: мотив встречи, который звучит в первых трёх строфах, и мотив расставания влюблённых – в заключительной строфе.

Когда реалии становятся мечтами, а мечты переходят в реальный мир? Грань между реальностью и мечтой у Блока очень тонка. Он рассказывает нам о чувствах лирического героя и показывает его встречу и расставание с Прекрасной Дамой будто бы сквозь туман. Лирическому герою ближе мечта – именно в ней он находит спасение. Поэтому композиция у этого стихотворения кольцевая.

Начало:

Мы встречались с тобой на закате,
Ты веслом рассекала залив…

Конец:

Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

Стихотворение продолжает цикл произведений о Прекрасной Даме, но образ этот заметно изменился. Перед нами уже не Величавая Жена. Образ Её неуловим и расплывчат: даны только Её очертания в белом платье. Но белое платье – черта обыкновенной земной женщины, которая к тому же «веслом рассекала залив». И эти реальные черты противопоставлены «утончённости мечты».

Фон повествования тоже снижен. Мы попадаем не в храм, как прежде, а на залив, где «рябь и камыш», и видим влюблённую пару на песчаной косе.

Если сравнить это произведение с другими стихами о Прекрасной Даме (например, со стихотворением «Вхожу я в тёмные храмы…»), то мы увидим, как изменились цвета и звуки. Нет ярких красок – все цвета приглушены. Действие происходит на закате, когда зажигаются «вечерние свечи», и в дымке вечернего тумана. Женский образ наполнен «бледной красой». В образе лирического героя тоже произошли большие перемены: его прошлые восторги «померкли, прошли, отошли».

Интересно понять значение символов, которые включает в художественную ткань своего произведения автор. Закат, река, туман, золотое весло, цвета и звуки – всё имеет свой смысл.

Встреча влюблённых происходит на закате. Их свидание, хоть и окутано вечерним ореолом таинственности, но всё же это «закат» их романтических отношений. Туман – тоже символ зыбкости и непрочности отношений. Женщина безмолвна и непостижима. Лирический герой по-прежнему боготворит Её образ, но у влюблённых нет будущего: все глаголы в стихотворении употреблены в форме прошедшего времени. И в третьей строфе обозначен мотив расставания:

Приближений, сближений, сгораний —
Не приемлет лазурная тишь…

На женщине – белое платье. Белый цвет – символ смерти. Может быть, это плывут куда-то в лодке умершие возлюбленные? В начале стихотворения весло рассекало гладь залива, а в конце оно показано застывшим без движения – «золотым». Звуки создают грустное настроение, передают печаль лирического героя и его ностальгию по мечте. Встречи с любимой безмолвные, а в лазурной тиши раздаются только голоса панихиды (панихида –

молитвенное поминание усопших).

Блок использует разнообразные средства художественной выразительности языка. Метафорические эпитеты (*бледная* краса; *безмолвная* встреча; *лазурная* тишь; *вечерние* свечи; *белый* стан) посвящены раскрытию образа возлюбленной лирического героя. Изобразительные эпитеты (*белое* платье; *песчаная* коса; *золотое* весло; *вечерний* туман) участвуют в описании пейзажа, на фоне которого происходит действие. Метафоры (*утончённость мечты; голоса панихиды*) подчёркивают земную, реальную картину происходящего.

Стихотворение написано трёхстопным анапестом. Стопа трёхсложная с ударением на третий слог. Рифма перекрёстная.

Незнакомка (1906)

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моём стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирён и оглушён.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!» кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями

Её упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чьё-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

Стихотворение написано в тяжёлый для Александра Блока период в личной жизни, когда у его жены, Л. Д. Менделеевой, начался роман с его другом, поэтом Андреем Белым. Оно родилось из скитаний по петербургским пригородам, и конкретно – из впечатлений от прогулок в дачном посёлке Озерки. Многие реальные черты и приметы в стихотворении отсюда: ресторан, пыль переулков, шлагбаумы.

Жанр произведения – рассказ в стихах. Сюжет – встреча лирического героя с Незнакомкой в загородном ресторане. Основная тема – столкновение мечты и реальности.

В основу композиции положен принцип противопоставления – антитезы. Мечта противопоставлена грубой действительности. Композиционно стихотворение состоит из двух частей. Одна часть (первые шесть строф) показывает реальность пошлого мира, вторая часть (последние семь строф) изображает романтический идеал. Два этих мира для Блока несовместимы. Мир его мечты хрупок и тонок, лишён реальных очертаний. Но этот мир – его единственное спасение и возможность оставаться самим собой. Этот мир, одухотворённый образом Незнакомки, Александр Блок

дарит своим читателям.

Стихотворение начинается описанием весеннего вечера. Однако свежего дыхания весны совсем не чувствуется – поэт называет весенний воздух тлетворным. Первая часть переполнена прозаическими деталями. Это и переулочная пыль, и скука загородных дач, и крендель булочной, и испытанные остряки, которые «среди канав гуляют с дамами». Автор пользуется грубой лексикой (*лакеи сонные торчат*), изображает неприятные звуки (*детский плач; женский визг; скрип уключин*). Пошлость заражает своим тлетворным духом всё вокруг. И даже традиционно поэтический образ луны предстаёт здесь в искажённом виде:

А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

В этой части автор умышленно нагромождает труднопроизносимые согласные звуки. Например: «По вечерам над ресторанами, / Горячий воздух дик и глух»: *пвчрм ндрстрнм грч вздх дк глх*. А вместо типичных для блоковской поэзии ассонансов (повторения гласных звуков) на ***а—о-е,*** придающих мелодичность стиху, мы слышим глухие аллитерации (повторение согласных звуков) и ассонансы на ***и*** (*горячи**и** воздух д**и**к **и** глух; женск**и**й в**и**зг; кр**и**в**и**тся д**и**ск*), которые режут слух.

В этом мире вместо солнца «золотится крендель булочной», а любовь подменена прогулками дам с «испытанными остряками» (которые, вероятно, каждый день повторяют одни и те же шутки). «Испытанные остряки» гуляют с дамами не где-нибудь, а «среди канав». Образ ресторана тоже символичен – это воплощение пошлости. Автор изображает не просто вечерний ресторан, а пространство, где «горячий воздух дик и глух», где всеобщим помрачением правит «весенний и тлетворный дух». Здесь скука, пьянство и однообразное веселье приняли характер повторяющегося и бессмысленного вращения. О кружении жизни в этом автоматическом колесе говорит фраза: «И каждый вечер». Фраза эта повторяется трижды, как и союз *и* – этим достигается ощущение замкнутого круга (***И** правит окриками пьяными весенний и тлетворный дух; **И** раздаётся детский плач; **И** раздаётся женский визг*). Все глаголы автор употребляет в настоящем времени. Этот мир отвратителен и страшен. Буквально во всём лирический герой ощущает отталкивающую дисгармонию звуков и запахов, красок и чувств. Утешение он находит в вине:

И каждый вечер друг единственный

В моём стакане отражён
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирён и оглушён.

Мотив опьянения повторяется несколько раз: «пьяницы с глазами кроликов» кричат: «In vino veritas!» – «Истина в вине!» (*лат.*). Незнакомка идёт «меж пьяными», о «влаге терпкой и таинственной» говорит сам лирический герой. Но опьянение – это ещё и погружение в мир мечты.

Этому отвратительному миру противопоставлена Незнакомка, которая является «каждый вечер, в час назначенный» во второй части стихотворения. Аллитерации – повторение, грубое нагромождение согласных звуков в описании грязной улицы – сменяются повторением гласных звуков – ассонансами (*Дыш**а** дух**а**ми и туман**а**ми, / Он**а** с**а**дится у окн**а**. / И в**е**ют древними пов**е**рьями / **Её** упруги**е** ш**е**лк**а***). Шипящие передают шелест шёлка. Ассонансы и аллитерации создают ощущение воздушности женского образа.

Незнакомка лишена реалистических черт, она вся окутана тайной. Этот образ отгорожен от грязи и пошлости реальной действительности возвышенным восприятием лирического героя. Незнакомка – идеал женственности и красоты, символ того, чего так не хватает лирическому герою, – любви, красоты, духовности.

Таинственная Незнакомка «всегда без спутников, одна». Одиночество героев не только выделяет их из общей толпы, но и притягивает друг к другу:

И странной близостью закованный,
Смотрю за тёмную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

«Берег очарованный» – символ гармоничного, но недостижимого мира. Кажется, вот он, рядом, но стоит протянуть руку – и он исчезает.

И перья страуса склонённые
В моём качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Поэт употребляет вышедшее из широкого употребления слово

очи, придающее образу Незнакомки возвышенность. Её синие бездонные очи (синий цвет означает у Блока звёздное, высокое, недостижимое) противопоставлены кроличьим глазам пьяниц.

Незнакомка – трансформированный образ Прекрасной Дамы. Это обычная посетительница загородного ресторана или «смутное видение» лирического героя. Образ этот символизирует раздвоенность сознания лирического героя. Он очень хочет уйти от ненавистной ему действительности, однако она никуда не исчезает – и именно в этот мир приходит Незнакомка. Это вносит в образ лирического героя трагедийные ноты. Духи и туманы, бездонные синие очи Незнакомки и дальний берег – это всего лишь грёзы, минутное опьянение, но истинный смысл жизни открывается лирическому герою именно в эти мгновения.

Об этом он говорит в финале стихотворения: «Я знаю: истина в вине».

Автор использует разнообразные средства выразительности. Произведение выстроено на антитезе. Этот приём служит для усиления выразительности речи путём резкого противопоставления понятий. Противопоставлены две части стихотворения. Противопоставлены образы и пейзажи, запахи и лица, музыка стиха первой и второй части. Противопоставляются мечта и действительность. Вот только несколько примеров: «горячий воздух дик и глух» – «дыша духами и туманами»; «скука загородных дач» – «очарованная даль»; «канавы» – «излучины» души.

Ко второй части стихотворения поэт подбирает романтические эпитеты (берег *очарованный; терпкое* вино; очи *синие бездонные*) и метафоры (*очи… цветут; души… излучины пронзило… вино*).

Стихотворение написано четырёхстопным ямбом, рифмовка – перекрёстная.

«О доблестях, о подвигах, о славе…» (1908)

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твоё лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем…
Вино и страсть терзали жизнь мою…
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою…

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла…
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла…

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твоё лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Тема любви в творчестве Александра Блока занимает очень много места. Любовь поэт всегда воспринимал как органичное соединение радости и печали. Его идеал – женщина утончённая и возвышенная, гордая и доверчивая, прекрасная и нежная. Этот образ не находил земного воплощения.

Поэт был сильно увлечён Любовью Дмитриевной Менделеевой. Ей он посвятил цикл «Стихи о Прекрасной Даме». Всё, что написано в нём, проникнуто жаждой «в земном увидеть неземное» (*В. Брюсов*). Шесть лет посвящал Блок стихи этой женщине – до 1903 года, когда они обвенчались. На этом

лирический дневник, обращённый к Прекрасной Даме, закончился, и в поэтический мир Блока вошли новые темы и образы. Сюжет стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе…» и образ его лирического героя автобиографичны – оно написано в тот период жизни, когда жена Блока ушла к его близкому другу, поэту Андрею Белому.

Это стихотворение входит в цикл «Возмездие», в котором поэт предрекает скорый суд и расплату обществу, поработившему человека. Первая строчка стихотворения «О доблестях, о подвигах, о славе…» обманывает ожидание читателя. Кажется, что речь пойдёт о высоком гражданском долге. Но любовные переживания для лирического героя оказываются не менее важными. Безгранична горечь его утраты. А настроение произведения сразу определяет эпитет: «на *горестной* земле».

По жанру стихотворение можно назвать любовным посланием. Лирический герой беседует со своей далёкой возлюбленной, которая ушла от него. Её портрет он воспринимает как живой, одухотворённый образ. Он разговаривает с ним так, будто любимая может услышать эти слова, осознать свою ошибку и вернуться. Глядя на портрет любимой женщины, лирический герой забывает не о своих горестях и бедах, а о доблестях, подвигах и славе – это говорит нам о том, чем полна его душа.

Во второй строфе центральным образом является «заветное кольцо» – традиционный символ верности. Уход возлюбленной вызывает отчаяние – лирический герой выбрасывает «заветное кольцо». Ночь здесь символизирует тьму и неизвестность. Однако значение символа никогда не может быть исчерпано до конца, и в этом случае оно может быть воспринято шире: ночь – время разгула бесовских сил. Отчаяние и потеря смысла жизни описаны эпитетами (*проклятый* рой; *сырая* ночь). О том, как много значила для героя его избранница, говорит сравнение: «звал тебя, *как молодость свою*».

Символично, что герой вспоминает свою возлюбленную перед аналоем. Аналой – высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы и священные книги. Перед аналоем в храме проводится обряд венчания. Этот образ использован автором, чтобы показать, как дороги его лирическому герою клятвы вечной любви и верности.

Расставшись с любимой, герой потерял смысл жизни. Теперь его терзают вино и страсть, и это не духовная жизнь, а лишь греховная пародия на неё, которая сжигает и опустошает его душу. В этот непростой период поэт порывает со своими друзьями-символистами, топит своё отчаяние в вине. Но главной

темой его стихов всё же осталась любовь. Однако та женщина, которой поэт посвящает свои стихи, уже не прежняя Прекрасная Дама, а роковая искусительница и разрушительница. Эта страсть сжигает поэта, и он не может вырваться из-под её власти.

В последней строфе стихотворения мы видим, что лирическому герою удаётся принять зрелое решение:

Твоё лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

Первая строка последней строфы: «Уж не мечтать о нежности, о славе…» – завершает стихотворение, образуя кольцевую композицию.

Блок включает в стихотворение свой любимый синий цвет – «синий плащ», который, по словам Марины Цветаевой, был до тоски любим всей Россией. В искусстве позднего Средневековья синий цвет обозначал измену, о чём, безусловно, было хорошо известно поэту.

В стихотворении есть повторы и рефрены: *простая оправа; синий плащ; сырая ночь* – каждая из этих важных для поэта деталей повторяется дважды.

Размер стихотворения – пятистопный ямб. Рифма перекрёстная.

Поэты (1908)

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, – и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и прямо.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной…

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пёс,

Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то Бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала!

С первого прочтения трудно представить, что это стихотворение написано Александром Блоком – утончённым лириком.

Казалось бы, он просто не способен на такую резкую критику своих собратьев по перу, которая особенно уничтожающе звучит в первой части произведения.

Пожалуй, никто из русских поэтов не изобразил деятелей искусства столь отталкивающими, как Александр Блок в стихотворении «Поэты». Место, где живут поэты, автор называет печальным и зыбким болотом. А вот какие слова подбирает автор для того, чтобы определить их действия: «Болтали цинично и прямо…». А сколько иронии он вкладывает в слова:

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно…

Но после всего перечисленного поэт уверяет читателя, что такая жизнь намного достойнее «обывательской лужи»:

По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно всё это!..

Хотя первые пять строф звучат очень иронично, но повествование вполне спокойно. Зато во второй части оно просто взрывается восклицательными, вопросительными, отрицательными интонациями. Все перечисленные атрибуты поэтического мира внезапно обретают подлинное и высокое значение. И главное – они совершенно недоступны простым обывателям. В заключительной части то же самое, казалось бы, сравнение: «Пускай я умру под забором, как пёс», – звучит диаметрально противоположно предыдущему: «Потом вылезали из будок, как псы…».

Выбрав для своего произведения семантически обобщённую лексику (*поэты, читатель, город, дружба*), поэт вместе с тем нашёл особые, индивидуальные, яркие наименования свойств и действий (*куцая конституция; болтали цинично и прямо; бессильные потуги; усердные работы; золото прохожей косы*).

В последних строчках возникают образы снега и вьюги:

Я верю: то Бог меня снегом занёс,
То вьюга меня целовала!

Для Блока снежные вихри, белый снег, метель – символы любви, тайны и творчества.

Как обычно у Блока, богато звуковое наполнение текста: чего стоит одно только словосочетание «*к**уцая** конститу**ция***» или затруднённое произношение согласных в строчках: «Под у**тр**о и**х** **рв**ало. Потом, запе**ршись**, / **Р**аботали тупо и **рь**яно».

Стихотворение написано амфибрахием с мужскими рифмами в нечётных строках.

С. А. Есенин

«Гой ты, Русь моя родная…» (1914)

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа…
Не видать конца и края —
Только синь сосёт глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонко чахнут тополя.

Пахнет яблоком и мёдом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах весёлый пляс.

Побегу по мятой стёжке
На приволь зелёных лех,
Мне навстречу, как серёжки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Родине и природе посвятил Сергей Есенин большую часть своих произведений. Любимая Русь для него – это и мир крестьянских домов, в которых «пахнет яблоком и мёдом», и природа средней полосы с бескрайними полями, с деревеньками, где «у низеньких околиц звонко чахнут тополя». В природе поэт черпал своё вдохновение, искренне ощущая себя её частицей.

Стихотворение «Гой ты, Русь моя родная…» – нежное признание поэта в любви к родной земле. Оно вошло в первый сборник Сергея Есенина «Радуница».

С присущей поэту склонностью одушевлять всё живое, он и к России обращается как к близкому ему человеку: «Гой ты, Русь моя родная». В этом стихотворении есть всё, что характерно для ранней поэзии Есенина: не совсем понятные городскому читателю слова (*зелёные лехи* – полевые полосы; *корогод* – хоровод) и обилие религиозной символики (*рать святая; хаты – в ризах*

образа; кроткий Спас; рай). Картина воспринимается как бы глазами «захожего богомольца», и читатель ощущает настроение просветлённого восторга. Окунуться в атмосферу чистой радости, которая наступает после праздничной церковной службы, поэт помогает читателю самыми разными средствами.

Звуковой ряд – слова *звонно, гудит, прозвенит* – создают иллюзию колокольного звона. А деревенская изба уподобляется храму: «хаты – в ризах образа». Это ключевой образ произведения. Деревня воспринимается лирическим героем в образе Храма. С самой первой строки Русь предстаёт как нечто святое. За этим сравнением – целая философия и система ценностей автора.

Поэт использует цветопись: «только синь сосёт глаза». Эта метафора необычна: синь будто бы впивается в глаза. Есенин представлял Русь синей и связывал этот образ с небесами и водной гладью. Если синий цвет в стихотворении назван прямо, то золотой присутствует в стихотворении скрытно: он в соломенных крышах, налитых яблоках, мёде, жёлтой стерне на сжатых полях, в пожелтевшей тополиной листве.

В стихотворении большинство глаголов использовано в форме будущего времени (*побегу; прозвенит; если крикнет; скажу*) – лирический герой только собирается отправиться в путь для того, чтобы познать бесконечные просторы родной земли.

Используемые Есениным художественно-выразительные средства, прежде всего олицетворения (*звонко чахнут тополя; гудит весёлый пляс*), создают живой образ мира, раскинувшегося между небом и землёй. Праздничное состояние души – и у лирического героя, и у крестьян, и в природе. Лирический герой находится в полной гармонии с собой и с природой – другого счастья ему не надо. Если начальная строка стихотворения определила настроение автора, то в последней строфе все чувства, вся любовь Есенина к родине вылились в важное для него утверждение:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

В коротком стихотворении герой успевает испытать самые разнообразные чувства и настроения от общения с родиной: щемящую нежность и грусть в первой строфе, неприкаянность «захожего богомольца» – во второй, умиротворение и беззаботную радость в третьей и четвёртой, гордость – в заключительной. А в общем, он счастлив тем, что живёт на этой земле.

Стихотворение написано четырёхстопным хореем.

Песнь о собаке (1915)

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причёсывая языком,
И струился снежок подталый
Под тёплым её животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклал в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать…
И так долго, долго дрожала
Воды незамёрзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из её щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

«Песнь о собаке» – одно из самых пронзительных в русской поэзии стихотворений о животных. Рассказана, вроде бы, вполне обыденная история о том, как утопили щенков. Для Сергея Есенина, выросшего в деревне, картина хорошо знакомая – в обычае топить щенков деревенские люди не видели ничего

плохого. Но эта история рассказана так, что читатель не может не сочувствовать любящему и страдающему живому существу.

Начинается стихотворение радостно. В первой строфе нарисована трогательная картина материнского счастья собаки. Здесь нет сентиментальных слов и фраз – всё просто названо своими именами: «Семерых ощенила сука, / Рыжих семерых щенят». Она вылизывала своих детёнышей, и «Струился снежок подталый / Под тёплым её животом».

Тёплое отношение к этому событию определяют сразу несколько выразительных средств. Во-первых, это метафора *златятся рогожи* – на рогожах золотого цвета (жёлтого, радостного) родились щенята. Во-вторых, это ласковый звук ***л***, который звучит всё время (*з**л**атятся; **л**аскала; струш**л**ся; подта**л**ый*). С помощью лексического повтора: «Семерых ощенила сука, / Рыжих семерых щенят», – показана радость собаки. Ну и, конечно же, уменьшительное – *снежок,* а также эпитет – *тёплый* живот.

Первая и вторая строфы проникнуты нежностью. Ничто не предвещает беду. И единственная тревожная нотка: «*До вечера* она их ласкала…». Собаке удалось повозиться со своими детьми только один день. В следующей строфе тревога нарастает стремительно, появляется строчка с нагромождением согласных: «**Семерых всех поклал в мешок»**. Эпитет *хмурый* (хозяин) усиливает тревожное впечатление. Использование просторечного слова *поклал* подчёркивает ощущение, что хозяин совершает привычное дело.

А в следующей строфе автор использует очень сильный приём – фигуру умолчания. Самая страшная сцена опущена – она скрыта за многоточием. Просто долго дрожит вода на месте падения мешка со щенками. Лексический повтор «бежала» – «бежать» передаёт состояние матери-собаки.

Есенин так и не допустил в своё стихотворение никаких сентиментальностей – он рассказывает о случившейся трагедии обычными словами, не окрашенными эмоционально. Именно поэтому такими убедительными, а не метафоричными выглядят дальнейшие события: собака-мать принимает «месяц над хатой» за одного из своих щенков. Собака обращается со своей болью «в синюю высь». Плач собаки показан с помощью повторяющихся гласных звуков: *и, ю, о, у:*

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля…

Образ месяца, привычного символа ночи, усиливает

трагическую тональность строфы. Действие происходит сразу в двух измерениях – в бытовом и в космическом, потому что нарушена гармония Мира.

Вся жестокость совершившегося сконцентрирована в последней строфе стихотворения – показано не собачье, а вселенское горе:

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звёздами в снег.

Искренность и сила поэтической выразительности Есенина так велики, что горе одного живого существа в этом стихотворении разрастается до вселенских масштабов. При этом каждый из читателей ощущает не только горе собаки, но и переживания автора.

Стихотворение написано разносложной стопой с ударением на разных слогах.

«Я последний поэт деревни…» (1920)

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берёз.

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

На тропу голубого поля
Скоро выйдет железный гость.
Злак овсяный, зарёю пролитый,
Соберёт его чёрная горсть.

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!
Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

Будет ветер сосать их ржанье,
Панихидный справляя пляс.
Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

Это стихотворение можно назвать эпитафией уходящему миру деревни – той, какой её знал и любил Сергей Есенин. Настроение, выраженное здесь поэтом, встречается во многих его стихах. Поэт связывал самого себя с исчезающей деревней. Он чувствовал, что не сможет воспевать новое время, потому что всё в нём кажется ему дисгармоничным.

Главный мотив стихотворения – собственная ненужность и неизбежность своего ухода. В стихотворении нет сюжета, в нём не происходит никаких действий. Главное здесь – только внутренние ощущения лирического героя.

Природа для Есенина всегда была священна – он часто изображал её как Храм. В ранней лирике он воспевал красоту природы, радость и полноту жизни, любви. Но в стихотворении «Я последний поэт деревни…» поэт как будто заказывает панихиду по прежнему миру, обречённому на умирание. А

русская природа здесь – Храм, в котором и происходит эта воображаемая поминальная служба.

В первом четверостишии лирический герой прощается со всем, что ему дорого. Ключевые слова здесь подчёркнуты эпитетами: «*последний* поэт» и «*прощальная* обедня». Первая строфа стихотворения – единственная, в которой глаголы стоят в настоящем времени. Лирический герой ещё живёт настоящим (точнее доживает), но в будущем ему места нет.

Сильнее всего в стихотворении звучит тема смерти:

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

Лирический герой сравнивает себя с догорающей свечой «из телесного воска» – то есть из судеб людей, сломленных и отвергнутых новым миром. Среди них и сам поэт. Он предсказывает свою смерть.

Часы не звонят, не бьют – они хрипят. Хрип этот – знак дисгармонии наступающего нового мира. Образ луны здесь тоже не случаен. Луна появляется только ночью, которая разделяет день уходящий и день наступающий, прошлое и будущее.

В третьей и четвёртой строфах сталкиваются образы старой деревни и «железного гостя», который выйдет «на тропу голубого поля» России, на её необъятные просторы. Но он не хозяин и не работник, а всего лишь «гость», хотя именно он вот-вот станет хозяином. У него «чёрная горсть», «не живые, чужие ладони». Как ярко отражают эти эпитеты настроение поэта! Он уверен, что природа осиротеет:

Только будут колосья-кони
О хозяине старом тужить.

«Железный гость» – многозначный образ. Это, в первую очередь, конечно, трактор, комбайн и любая другая техника. Но это и противостоящий деревне город, и вообще новый мир. Есенин писал: «Трогает меня… только грусть за уходящее, милое, родное, звериное и незыблемая сила мёртвого, механического». Но не только поэт скорбит о прошлом. Природа в таком же смятении. А Есенин всегда выражал своё мироощущение через природу – это одна из самых ярких особенностей его поэзии. Лирический герой говорит о себе:

За прощальной стою обедней
Кадящих листвой берёз.

Берёза – один из любимых образов Есенина. Но раньше поэт любовался берёзкой: «О, тонкая берёзка, что загляделась в пруд?» А в этом стихотворении берёзы «кадят», то есть разбрасывают свою листву. Это происходит осенью. А осень – символ умирания природы.

С деревней автор связывает религиозные мотивы и образы: *обедня берёз, поэт-свеча, панихидный пляс ветра*. Цветовые эпитеты тоже расставляют свои акценты: свеча догорает *золотистым* пламенем, поле названо *голубым* (в творчестве Есенина есть образ – «голубая Русь»), «злак овсяный» окрашен цветом зари, только «железный гость» чёрен. Но будущее за ним: всё привычное и милое, и сам поэт, становятся лишним в новом мире.

В последней строфе мотив смерти усиливается – почти дословно повторяются слова второй строфы:

Скоро, скоро часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час!

Но это утверждение звучит гораздо увереннее – теперь это уже восклицательное предложение, оно звучит как приговор. Поэт знает, что в новом мире ему не жить и не петь.

Стихотворение посвящено другу Есенина, Анатолию Борисовичу Мариенгофу – поэту, одному из основателей и теоретиков имажинизма.

«Не жалею, не зову, не плачу…» (1921)

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдёт, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна берёзового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий, ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств!

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь…
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Грустные философские размышления о быстротечности жизни характерны для всего творчества Сергея Есенина.

Стихотворение «Не жалею, не зову, не плачу…» написано, когда автору было всего 26 лет. Сам Есенин так объяснял это: «Поэту необходимо чаще думать о смерти… только памятуя о ней, поэт может особенно остро чувствовать жизнь».

Стихотворение написано в форме монолога лирического героя, который размышляет о прожитой жизни, об ушедшей юности. Всё лучшее осталось в прошлом: сердце уже «тронуто холодком», в нём всё реже просыпается «дух бродяжий», навсегда утрачена свежесть чувств. Поэт восклицает:

Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Очень многое соединилось в простом и обычном, казалось бы, эпитете *розовый*. Здесь и цвет зари, и оттенок нереальности происходящего, и радостные ожидания, так свойственные юности (вспомним устойчивые сочетания «розовые очки», «жизнь в розовом свете»).

Розовый конь – романтический и символический образ. Это символ восхода солнца, весны, радости, чего-то светлого и чистого.

Но и реальный крестьянский конь, на котором скакал Есенин в юности, тоже становился розовым в лучах восходящего солнца. Однако юность прошла, и теперь сердце лирического героя тронуто холодком безверия и разочарования. Розовый цвет плавно переходит в холодную медь:

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льётся с клёнов листьев медь…

Невозможно не заметить также использованный автором приём антитезы – противопоставления. Весенние цветущие яблони поэт противопоставляет осеннему золоту увядания, то есть детство и юность противопоставляет старости, юношеские мечты – разочарованиям взрослой жизни.

В стихотворении много красивых поэтических образов: здесь и «белых яблонь дым», и «страна берёзового ситца», и медь листьев клёнов, и «весенняя гулкая рань».

Самобытны, неожиданны и в то же время близки и понятны метафоры: «золото увяданья», «буйство глаз и половодье чувств», «пламень уст». А слова поэта: «Всё пройдёт, как с белых яблонь дым» – воспринимаются теперь нами как афоризм.

Заканчивается стихотворение словами, в которых выражено принятие жизни такой, какая она есть, – с рассветом, увяданием и неизбежным умиранием. И хотя последнее слово в стихотворении – «умереть», акцент в заключительной строфе (и логический и интонационный) приходится на слова «благословенно» и «процвесть»:

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Многие стихи Сергея Есенина положены на музыку – так они мелодичны.

Это стихотворение тоже стало известной и многими любимой песней. И дело не только в задушевности содержания – почти каждая строчка этого удивительного произведения инструментована определёнными звуками (например, из гласных в первой строфе преобладает *а*, во второй – *и*, в третьей – *е*, потом опять *а* и *е*).

И написано стихотворение тем же самым размером, который обычно использовался в народных песнях, – пятистопным хореем.

Письмо к матери (1924)

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож…

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад,
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,

Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

Стихотворение «Письмо к матери» посвящено не только и не столько конкретному человеку, сколько собирательному образу матери или даже матери-Родине. Сергей Есенин создал культ родного дома как единственного надёжного пристанища в этом страшном мире и культ матери как единственно родной и преданной души. Для любого человека мать – это и есть родина, начало всех начал.

В этом стихотворении поэт обращается к известной библейской теме – возвращению блудного сына. Но, в отличие от библейского сюжета, у Есенина речь идёт о возвращении сына не к отцу, а к матери, и к тому же возвращение – это всего лишь мечта, которая вряд ли сбудется:

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад…

Образ сада – символ детства и юности, куда возврата быть не может.

Сын разочарован в жизни, он потерял веру, испытал «слишком раннюю утрату и усталость». Все мечты обманули, кроме единственной: «Чтоб скорее от тоски мятежной / Воротиться в низенький наш дом».

У лирического героя стихотворения осталась последняя надежда, последняя опора в жизни:

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Автор включает в текст риторические вопросы («Ты жива ещё, моя старушка?»), пожелания («Пусть струится над твоей избушкой / Тот вечерний несказанный свет»), обращения («Ничего, родная! Успокойся.»).

Намеренно введены в стихотворение просторечные слова: *старушка, избушка, шибко*. Эта лексика помогает читателю проникнуться атмосферой русской деревни, домашнего уюта, самобытности.

Эпитеты (*вечерний несказанный* свет; *низенький наш* дом), передают сыновнюю любовь и нежность к родному дому. В

эпитетах словосочетания «в *старомодном ветхом* шушуне» звучит душевная боль лирического героя, оттого что состарилась без него мать, и чувство вины перед нею.

Автор использует анафоры (***не** буди; **не** волнуй; **не** сбылось; **не** учи; **не** надо; **не** грусти; **не** ходи*). Этот приём, прежде всего, передаёт печаль души лирического героя, его разочарование, тоску по матери.

Стихотворение имеет кольцевую композицию: мы видим практически полное повторение фразы в начале и в конце («Что ты часто ходишь на дорогу / В старомодном ветхом шушуне» – «Не ходи так часто на дорогу / В старомодном ветхом шушуне»).

Сознание своей вины перед матерью, надежда на её прощение знакомы очень многим людям, поэтому так трогают эти стихи.

Самые сокровенные чувства поэт выражает в простых, всем понятных словах.

«Отговорила роща золотая…» (1924)

Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник, —
Пройдёт, зайдёт и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер вдаль,
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костёр рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадёт трава.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребёт их все в один ненужный ком…
Скажите так… что роща золотая
Отговорила милым языком.

Стихотворение представляет собой необыкновенно искренний лирический монолог. Его можно назвать красивой элегией, наполненной философскими размышлениями. В нём можно увидеть все характерные для творчества Сергея Есенина черты: откровенность, задушевность, эмоциональность, музыкальность.

Начинается стихотворение с пейзажной зарисовки. В осенней картине всё подчинено грусти: увядает природа, печально улетают на чужбину журавли. Такое состояние природы заставляет лирического героя думать о своей жизни, о

прошедших днях – о «юности весёлой», к которой уже нет возврата.

Поэт использует приём художественного параллелизма: как рябиновый костёр не может никого согреть, так и отпылавшая, опустошённая душа лирического героя не может дать никому ни тепла, ни радости. Как «дерево роняет тихо листья», так и лирический герой «роняет грустные слова». Он ощущает себя неотъемлемой частью природы. У него есть повод для печали: «Не обгорят рябиновые кисти, / От желтизны не пропадёт трава», в природе будет обновление, и всё повторится сначала, а свою жизнь человек повторить не сможет. И читатель понимает, отчего эта боль и печаль – на самом деле и лирическому герою, и каждому из нас невыносимо жаль и «души сиреневую цветь», и «лет, растраченных напрасно».

Чтобы полнее и ярче выразить свои ощущения, Есенин использует различные художественные средства: олицетворение (*журавли не жалеют; грезит конопляник*), метафоры (*костёр рябины; души сиреневая цветь*). С их помощью создаются удивительно красивые образы – созревшей рябины и прошедшей юности.

Эпитеты создают настроение. Осень не тоскливая и мрачная – поэт рисует это время года яркими красками (роща *золотая;* рябина *красная; широкий* месяц; *голубой* пруд). Автор использует инверсию (*отговорила роща золотая; стою один среди равнины голой*), что придаёт звучанию стихов возвышенность и торжественность.

Параллелизмы и сравнения помогают почувствовать вселенский закон: «каждый в мире странник», но мир природы со смертью человека не умирает: трава «от желтизны не пропадёт», «не обгорят рябиновые кисти».

Огромную роль в любом произведении Есенина играет цвет. Цветовая гамма стихотворения «Отговорила роща золотая…» проста: голубой, жёлтый, красный – традиционные цвета русского искусства. Прошлое поэт окрасил в голубой и сиреневый цвета. Метафора «сиреневая цветь» напоминает о весенней поре, когда пышно цветёт сирень. Настоящее окрашено в красный и золотой цвета. Золото уже исчезает, но ещё «горит костёр рябины красной». Тревожный красный цвет противостоит голубому и сиреневому. Навсегда утрачена молодость души и свежесть чувств. И хотя лирический герой несколько раз повторяет, что ему не жаль прошлого, произведение наполнено щемящей болью и грустью о прошлом.

Музыкальность произведению придаёт преобладание сонорных звуков *р, л, м, н*. Напевность определяют также

аллитерации и ассонансы (*г**о**рит к**о**стёр р**я**бины к**ра**сной; р**о**няет т**и**х**о** л**и**стья*).

У стихотворения кольцевая композиция: первые строки: «Отговорила роща золотая / Берёзовым, весёлым языком» почти дословно повторяются в последней строфе: «…роща золотая / Отговорила милым языком».

В богатейшей поэзии Серебряного века С. А. Есенин сохранил своё собственное лицо – он пришёл со своим пониманием поэтического слова и создал свой метафорический язык, который полюбился читателям.

Стихотворение «Отговорила роща золотая…» давно стало народной песней. Стихотворение написано пятистопным ямбом, который передаёт ритм и настроение произведения. Рифмы перекрёстные.

В. В. Маяковский

Послушайте! (1914)

Послушайте!
Ведь, если звёзды зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
Значит – кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянётся —
не перенесёт эту беззвёздную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
«Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!»
Послушайте!
Ведь, если звёзды
зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Стихотворение написано молодым Владимиром Маяковским в то счастливое время, когда наша страна ещё не знала ужасов Первой мировой войны и революции. Поэт был увлечён футуризмом. Он с надеждой смотрел в будущее и пытался ответить на извечный вопрос, в чём заключается смысл жизни человека.

Стихотворение «Послушайте!» отличается от многих других произведений Маяковского тем, что он не использует резких слов,

никого не осуждает и не обличает. Поэт раскрывается здесь как человек с искренней и ранимой душой. Основная интонация стихотворения – исповедальная и доверительная.

Начинается оно с просьбы, обращённой к людям: «Послушайте!» Лирический герой надеется быть услышанным и понятым. Он произносит свой взволнованный монолог, к которому невозможно отнестись равнодушно.

Композиционно произведение делится на три части, различные и по форме, и по ритму, и по эмоциональному воздействию.

В первой части обозначена проблема:

…если звёзды зажигают —
значит – это кому-нибудь нужно?

Во второй части лирический герой «врывается к Богу» и в отчаянии просит его, «чтоб обязательно была звезда». Мы слышим своеобразную молитву, обращённую к Богу.

А третья часть стихотворения звучит как вывод и утверждение. Это риторический вопрос и вопрос, обращённый к каждому из читателей:

Значит – это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Автор вводит в своё произведение элемент фантастики («врывается к Богу»). В системе выразительных средств Маяковского важно отметить роль художественной детали: он изображает «жилистую руку» Бога, и вот уже Бог – не только одухотворённая высшая сущность, а вполне реальная личность. Он всегда готов подать спасительную руку помощи. А лирический герой стихотворения и есть тот самый «кто-то», для кого без звёздного неба жизнь представляется немыслимой, кто не может перенести «беззвёздную муку».

Поэтические приёмы, используемые автором, очень разнообразны, несмотря на то, что произведение невелико по объёму. Нет ни одного нейтрального слова – все слова эмоционально окрашены. Вот, например, целый ряд глаголов: *врывается, боится, плачет, целует, просит, клянётся* – они передают не только динамику событий, но и эмоциональный накал.

Есть в стихотворении сравнение (*кто-то называет эти плевочки жемчужиной*), риторическое восклицание (*Послушайте!*), риторический вопрос (*значит – это кому-нибудь нужно?*). Необходимо отметить также анафору (повторение слов в начале строк): (***значит** – это кому-нибудь нужно? / **Значит** – кто-то хочет, чтобы они были? / **Значит** – кто-то называет эти плевочки жемчужиной?*).

Метафоры у Маяковского всегда необычны и красивы. Вот и здесь: *метели полуденной пыли*. Однако он не боится использовать и уже привычные метафоры: *звёзды зажигают; загоралась звезда*.

Но и всё стихотворение «Послушайте!» есть одна развёрнутая метафора, имеющая иносказательный смысл. Кроме насущного хлеба, человеку нужна мечта, большая цель, духовность, красота – ценности, которым нет цены. Это и есть главная идея произведения Владимира Маяковского.

В этом стихотворении автор добился того, что каждое выделенное им слово стало значимым и весомым. Акценты достигаются также за счёт знаков препинания – они создают эмоциональный настрой произведения.

Лиличка! (1916)
Вместо письма

Дым табачный воздух выел.
Комната —
глава в кручёныховском аде.
Вспомни —
за этим окном
впервые
руки твои, исступлённый, гладил.
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День ещё —
выгонишь,
может быть, изругав.
В мутной передней долго не влезет
сломанная дрожью рука в рукав.
Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.
Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.
Всё равно
любовь моя —
тяжкая гиря ведь —
висит на тебе,
куда ни бежала б.
Дай в последнем крике выреветь
горечь обиженных жалоб.
Если быка трудом уморят —
он уйдёт,
разляжется в холодных водах.
Кроме любви твоей,
мне
нету моря,
а у любви твоей и плачем не вымолишь отдых.
Захочет покоя уставший слон —
царственный ляжет в опожаренном песке.

Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.
Если б так поэта измучила,
он
любимую на деньги б и славу выменял,
а мне
ни один не радостен звон,
кроме звона твоего любимого имени.
И в пролёт не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.
Завтра забудешь,
что тебя короновал,
что душу цветущую любовью выжег,
и суетных дней взметённый карнавал
растреплет страницы моих книжек…
Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?
Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.

Стихотворение адресовано Лиле Юрьевне Брик, которая на протяжении долгих лет оставалась музой Владимира Маяковского. Их связывали непростые взаимоотношения.

Тем не менее, эта женщина была для поэта идеалом. Именно ей он в первый же вечер их знакомства посвятил поэму «Облако в штанах». Были и многие другие посвящения.

Но самым ярким из них можно назвать стихотворение-письмо «Лиличка!». Оно было написано примерно через год после знакомства Лили Брик и Маяковского.

Привычное начало любого письма – обращение к адресату по имени с восклицательным знаком. Это обращение стало названием произведения. Перед нами письмо героя к женщине, которая, видимо, может его покинуть в любой момент. Поэт безумно влюблён, но его пылкая страсть превратилась для любимой в обузу.

Взволнованная интонация письма выражена свойственным Маяковскому акцентным стихом. Большое значение играют паузы и графическое выделение особо значимых текстовых фрагментов.

Уже первые строчки этого письма передают напряжённое состояние автора. Изображённый интерьер тоже погружает в соответствующее настроение: «Дым табачный воздух выел. / Комната – / глава в кручёныховском аде» (подразумевается поэма А. Кручёных и В. Хлебникова «Игра в аду»).

В нескольких коротких предложениях поэт вспоминает прошлое («Вспомни – / за этим окном / впервые / руки твои, исступлённый, гладил»), определяет настоящее («Сегодня сидишь вот, / сердце в железе») и будущее («День ещё – / выгонишь, / может быть, изругав. / В мутной передней долго не влезет / сломанная дрожью рука в рукав»). И дальше – самые пронзительные строчки:

Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссечась.

Отчаянье поэта так велико, предчувствие, что любимая покинет его так мучительно, что он не хочет длить эту муку и просит её: «дай простимся сейчас». С присущей поэту образностью Маяковский пытается доказать свою любовь. И мы видим, что это чувство владеет им безраздельно.

Кульминацией этого страстного письма можно назвать слова о тяге к самоубийству, которое герой не может совершить, потому что над ним «не властно лезвие ни одного ножа», кроме взгляда любимой:

И в пролёт не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.

Поэт будто бы всеми силами открещивается от рокового поступка, но в свете его будущей гибели это звучит трагически.

Гиперболизм образов – главная характерная черта выразительных языковых средств поэта.

Лирический герой опосредованно сравнивает себя с быком, которого «трудом уморят», с уставшим слоном, говорит о своём безумном отчаянии: «…душу цветущую любовью выжег».

Эпитет *цветущая* к слову *душа* для Маяковского является привычным – *душа* у поэта почти всегда *цветущая, широкая, великая*. Такой лирический герой личные проблемы всегда воспринимает как вселенскую катастрофу. Дополнительную эмоциональную окраску дают яркие метафоры (*карнавал дней; листья слов*).

Автор использует очень характерные для своего творчества насыщенные действием эпитеты (*сломанная дрожью* рука; *обиженные* жалобы; *взметённый* карнавал; *опожаренный* песок).

Как всегда в произведениях Маяковского, мы находим в тексте этого лирического письма необычные лексические единицы (*обезумлюсь, отчаяньем иссечась; выреветь; кручёныховский ад*).

Гиперболизм образов соединяется у автора этого романтического и наполненного горечью стихотворения со щемящей и беззащитной нежностью: «Не надо этого, / дорогая, / хорошая…»; «а мне / ни один не радостен звон, / кроме звона твоего любимого имени»; «Кроме любви твоей, / мне / нету солнца…»; «Дай хоть / последней нежностью выстелить / твой уходящий шаг».

Перед нами страстный монолог о любви, за строками которого обозначен трагический силуэт лирического героя.

Хорошее отношение к лошадям (1918)

Били копыта,
Пели будто:
– Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб. —

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
– Лошадь упала! —
– Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу
глаза лошадиные…
Улица опрокинулась,
течёт по-своему…

Подошёл и вижу —
за каплищей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти…

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,

все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть,
– старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.

И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

Стихотворение написано в период Гражданской войны. Это было время разрухи и голода, революционного террора и насилия. Произведение Владимира Маяковского – призыв к милосердию и восстановлению человеческих отношений. Упавшая лошадь заставляет вспомнить забитую клячу из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», символизирующую положение «униженных и оскорблённых».

Начало стихотворения можно назвать камертоном, который настраивает восприятие читателя: «Гриб. / Грабь. / Гроб. / Груб». Подчёркнутая аллитерация этих строчек вызывает ассоциации со смертью, грабежами, жестокостью и грубостью. В то же время это звукопись, изображающая цокот лошадиных подков. События, описанные в стихотворении, можно пересказать в нескольких словах. В Москве, возле Кузнецкого моста (это название улицы), поэт увидел лошадь, которая упала на скользкой мостовой. У собравшихся зевак происшествие вызвало злорадный смех, и лишь поэт посочувствовал несчастному животному. От ласкового слова лошадь нашла в себе силы подняться и идти дальше.

В стихотворении можно чётко выделить вступление, основную часть и заключение.

В самом начале использована необычная метафора, которая

изображает место происшествия – улицу:

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.

«Ветром опита» – это улица, напоенная сырым, холодным воздухом; «льдом обута» – означает, что лёд покрыл улицу, как бы обул её, поэтому она стала скользкой. Использована ещё и метонимия: на самом деле не «улица скользила», а поскальзывались прохожие.

Следует отметить также, что улица в раннем творчестве Маяковского часто была метафорой старого мира, обывательского сознания, агрессивной толпы (например, в стихотворении «Нате!»).

В рассматриваемом произведении поэт изображает уличную толпу ещё и праздной, и разодетой: «штаны пришедшие Кузнецким клёшить».

Клёшить – неологизм Маяковского от слова «клёш». Клёш (то есть модные в то время широкие брюки) служит средством социальной характеристики толпы.

Поэт изображает сытых обывателей, ищущих развлечений. Просторечное слово *сгрудились* означает: *собрались в кучу, как стадо*. Страдания животного вызывают у них лишь смех, их выкрики подобны вою.

Далее автор использует антитезу, противопоставляя лирического героя толпе:

Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.

Поэт удручён увиденным. Его взволнованность передана паузами: «Подошёл / и вижу / глаза лошадиные…». Тоска переполняет душу лирического героя.

Противопоставление поэта толпе не случайное – Маяковский рассказывает не только о происшествии на Кузнецком мосту, но и о себе тоже, о своей «звериной тоске» и об умении преодолевать её. Плачущая лошадь – своеобразный двойник автора. Измученный поэт знает, что нужно найти в себе силы продолжать жить. Поэтому он обращается к лошади как к товарищу по несчастью:

Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь.

Основную нагрузку в стихотворении несут на себе глаголы действия. Весь сюжет можно описать с помощью цепочки глаголов: *грохнулась – сгрудились – подошёл – рванулась – пошла – пришла – стала* (в стойло).

Оптимистичны завершающие строки стихотворения:

И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

Через нехитрый сюжет Маяковский раскрывает одну из важнейших тем поэзии – тему одиночества. Но поэт делает это по-своему – в системе эстетики футуризма, нарушавшей все привычные законы стихосложения.

Стихи, с помощью графики разбитые на интонационные отрезки, получают свободную непринуждённость.

Автор использует самые разные виды рифм: усечённые неточные (*плоше – лошадь; зевака – зазвякал*); неравносложные (*в шерсти – в шелесте; стойло – стоило*); составные (*в вой ему – по-своему; один я – лошадиные; в няньке – на ноги*). Есть омонимическая рифма: *пошла* (краткое прилагательное) – *пошла* (глагол). Есть и звуковая перекличка внутри строки (голос *свой* не вмешивал *в вой*). Эти рифмы как бы оттеняют два мира – мир поэта и мир равнодушной, чёрствой толпы.

Ритм стихотворения тоже разнообразный – от громкого скандирования до негромких лирических отступлений.

Прозаседавшиеся (1922)

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождём дела бумажные,
чуть войдёшь в здание:
отобрав с полсотни —
самые важные! —
служащие расходятся на заседания.

Заявишься:
«Не могут ли аудиенцию дать?
Хожу со времени она». —
«Товарищ Иван Ваныч ушли заседать —
объединение Тео и Гукона».

Исколесишь сто лестниц.
Свет не мил.
Опять:
«Через час велели прийти вам.
Заседают:
покупка склянки чернил
Губкооперативом».
Через час:
ни секретаря,
ни секретарши нет —
голо!
Все до 22-х лет
на заседании комсомола.

Снова взбираюсь, глядя на ночь,
на верхний этаж семиэтажного дома.
«Пришёл товарищ Иван Ваныч?» —
«На заседании
А-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома».

Взъярённый,
на заседание

врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая.
И вижу:
сидят людей половины.
О дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Оне на двух заседаниях сразу.
В день
заседаний на двадцать
надо поспеть нам.
Поневоле приходится раздвояться.
До пояса здесь,
а остальное
там».

С волнения не уснёшь.
Утро раннее.
Мечтой встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
ещё
одно заседание
относительно искоренения всех заседаний!»

Многие сатирические произведения Владимира Маяковского были направлены на борьбу с бюрократизмом. В первые годы советской власти резко разросся бюрократический аппарат, появились учреждения, погрязшие в заседаниях, имитирующие кипучую деятельность и далёкие от истинных нужд народа. Поэт, конечно, не мог пропустить такой животрепещущей темы.

В стихотворении «Прозаседавшиеся» главный персонаж, от чьего лица ведётся рассказ, – обычный человек, который тщетно обивает пороги государственного учреждения в надежде получить аудиенцию у «товарища Иван Ваныча», но никак не может застать его на месте – неуловимый Иван Ваныч постоянно находится на каких-то заседаниях.

Сатирический эффект нарастает постепенно. В начале стихотворения читатель узнаёт, что каждое утро наш герой видит,

как «расходится народ в учрежденья». Настораживает пока только перечень этих учреждений: «глав», «ком», «полит», «просвет» (Маяковский разбил реально существующий Главкомполитпросвет на четыре организации).

Сатирическое звучание второго предложения уже не вызывает сомнения: «Обдают дождём дела бумажные…». Для Маяковского бюрократизм, прежде всего, означал слепую власть бумажки, циркуляра, инструкции, которые только мешают живому делу. А образ «бумажного дождя» будет продолжен поэтом в целом ряде последующих произведений. В этом же стихотворении Маяковского интересует другое – заседательский раж бюрократов.

Снова и снова взбирался на «верхний этаж семиэтажного дома» несчастный проситель, но так и не смог застать Ивана Ваныча, и каждый раз слышал один и тот же ответ: «На заседании». Но главное даже не в бесконечных заседаниях, а в том, чем на таких заседаниях занимаются в служебное время чиновники.

Сначала было заседание «объединения Тео и Гукона». Автор придумал это объединение, соединив Театральное объединение с Главным управлением конезаводов, чтобы показать абсурдность происходящего. Что у этих объединений может быть общего, о чём они могут совещаться? Только для сатирического эффекта можно придумать такое. Но Маяковский опирался на реальный факт: в 1921 году бывший заведующий Тео режиссёр С. Н. Кель был назначен на работу в Гукон начальником отдела коннозаводства.

Количество заседаний в стихотворении, конечно, преувеличено, а вот вопросы, которые обсуждаются на подобных заседаниях – явное преуменьшение («покупка склянки чернил», к примеру). И преувеличение, и преуменьшение – распространённые средства выразительности в творчестве Маяковского.

Сатирическое звучание усиливается, когда, уже «на ночь глядя», проситель приходит в учреждение и узнаёт, что таинственный Иван Ваныч на этот раз «на заседании а-бе-ве-ге-де-е-же-зе-кома». В этой абракадабре автор явно высмеивает любовь к сложным аббревиатурам, характерным для двадцатых годов XX века.

Все четыре эпизода поисков Иван Ваныча – это только лишь своеобразный подступ к центральному событию произведения. Бедняга-посетитель, «дикие проклятья дорогой изрыгая», врывается, доведённый до белого каления, на заседание и видит: «сидят людей половины». Это кульминация знаменитого стихотворения «Прозаседавшиеся». Сатирический эффект

усиливается и тем, что «взъярённому» герою, пришедшему в ужас от «страшной картины», противостоит «спокойнейший голосок» секретаря, который объясняет: для того, чтобы успеть на двадцать заседаний в день, «Поневоле приходится раздвояться. / До пояса здесь, / а остальное / там». Но как ни фантастична и как ни смешна эта сцена, она лишь фиксирует грустную реальность – бюрократическую действительность. Излюбленный приём Маяковского – реализация метафор. В этом стихотворении мы видим реализацию фразеологического оборота: «Не могу разорваться напополам».

В стихотворении нет конкретного образа бюрократа – Иван Ваныч абсолютно безлик, но есть обобщённый портрет бесконечно и бессмысленно заседающих чиновников. А главная мысль сатирического произведения сформулирована автором как афоризм: «О, хотя бы / ещё / одно заседание / относительно искоренения всех заседаний!». В этой фразе явно звучит авторская ирония. И, к сожалению, мечта поэта пока не сбылась.

Как обычно в своём творчестве, в этом стихотворении Маяковский использует новые рифмы и ритмы. Они нужны ему для наиболее выразительного эффекта. Поэт пытался отобразить стремительно меняющуюся жизнь, которая не вмещалась в привычные схемы и образы. Он считал, что использование обыкновенных художественных средств обедняет произведение и недостаточно хорошо подчёркивает те явления, которые ему хотелось показать своим читателям.

Стихотворение «Прозаседавшиеся» создано на основе приёма «абсурдного гиперболизма» (термин введён в литературу Маяковским) – это беспощадная ирония, переходящая в открытое преувеличение. С помощью собственных выразительных средств поэт-сатирик достигает эффекта, выбивая читателей и слушателей из привычного ассоциативного ряда и заставляя воспринимать давно знакомые явления в совершенно неожиданном ракурсе.

Нет, наверное, такого отрицательного явления в жизни, против которого не боролся бы Маяковский. Поэт признавался: «У меня большой зуд на писание сатирических вещей». В последние годы своей поэтической деятельности он создал ряд классических произведений сатирического характера с говорящими названиями: «Трус», «Подлиза», «Плюшкин», «Ханжа», «Сплетник», «Халтурщик».

Неологизм Владимира Маяковского *прозаседавшиеся* прочно вошёл в русскую разговорную речь.

Н. С. Гумилёв

Жираф (1907)

Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далёко, далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор,
С которым равняться осмелится только луна,
Дробясь и качаясь на влаге широких озёр.

Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.
Я знаю, что много чудесного видит земля,
Когда на закате он прячется в мраморный грот.

Я знаю весёлые сказки таинственных стран
Про чёрную деву, про страсть молодого вождя,
Но ты слишком долго вдыхала тяжёлый туман,

Ты верить не хочешь во что-нибудь, кроме дождя.
И как я тебе расскажу про тропический сад,
Про стройные пальмы, про запах немыслимых трав…
Ты плачешь? Послушай… далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Стихотворение «Жираф» было опубликовано в 1908 году в сборнике «Романтические цветы» и надолго стало визитной карточкой Николая Гумилёва в литературе. Поэта всегда привлекали экзотические места. Детское любопытство к миру, страсть к путешествиям, любовь к яркой живописи – всё это он вложил в стихотворение. Обращаясь к некой загадочной женщине, которая грустит и ни во что не хочет верить, автор на самом деле ведёт диалог с читателем.

В стихотворении поэт сравнивает два пространства: далёкое и совсем близкое.

Про то пространство, которое «здесь», он почти ничего не говорит, да это и не нужно. Здесь лишь «тяжёлый туман», дождь, грусть да слёзы, в этом мире нет красок – он бесцветен, и потому кажется, что рай на Земле невозможен.

Но поэт хочет доказать любимой женщине, что «далёко, на

озере Чад» – всё по-другому. Там мир полон радости, он переливается и сияет всеми красками, словно драгоценный алмаз. И там «изысканный бродит жираф».

Для описания этого удивительного существа автор нашёл необыкновенные слова:

Ему грациозная стройность и нега дана,
И шкуру его украшает волшебный узор…
Вдали он подобен цветным парусам корабля,
И бег его плавен, как радостный птичий полёт.

Поэтический образ жирафа можно назвать аллегорией. Это дивная грёза – воплощение красоты Африки, о которой мечтает поэт. Лирический герой сближен с автором. Он предстаёт в стихотворении оптимистом, романтиком и мечтателем.

У стихотворения кольцевая композиция, и в начале, и в конце – одни и те же слова:

Послушай… далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.

Поэтическое обрамление стихотворения создаёт такое впечатление, будто лирический герой готов вновь и вновь без устали повторять свой рассказ о рае на Земле, чтобы заставить любимую женщину (и нас, читателей) взглянуть на мир по-иному.

Мелодия стихотворения спокойна и грациозна – сродни образу жирафа. Звуки, протяжные и мелодичные, дополняют сказочное описание волшебного края.

Для передачи настроения поэт использует красочные эпитеты (*изысканный* жираф; *немыслимые* травы; *мраморный* грот; *таинственные* страны), необычные сравнения (*подобен цветным парусам корабля;* бег его плавен*, как радостный птичий полёт*), метафоры (*вдыхала тяжёлый туман*).

Как все поэты-акмеисты, Николай Гумилёв использует не конкретные цвета, а предметы – он даёт возможность читателю самому представить тот или иной цвет или оттенок. Жираф «подобен цветным парусам корабля», наверное, шкура его – ярко-оранжевая с красно-коричневыми пятнами, что эффектно контрастирует с синей водой.

В этом пространстве воздух свежий и чистый, с запахом «*немыслимых трав*». Не так уж и далёк этот экзотический африканский континент, если читатель умеет мечтать, если он не желает жить в сером, скучном мире обыденности. Поэт

предлагает читателю взглянуть на мир по-другому и осознать, что он огромен и прекрасен.

Стихотворение написано пятистопным амфибрахием.

Строки рифмуются при помощи мужской рифмы (с ударением на последнем слоге).

А. А. Ахматова

Творчество (1936)

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг,
Но в этой бездне шёпотов и звонов
Встаёт один, всё победивший звук.
Так вкруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растёт трава,
Как по земле идёт с котомкой лихо…
Но вот уже послышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

Стихотворение входит в цикл «Тайны ремесла». Анна Ахматова пытается объяснить читателю, что такое ремесло поэта и что такое творчество. Широко известны стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова на эту тему. Но Анну Ахматову интересует не то, какова функция поэта (как у Пушкина в «Памятнике» или «Пророке»), а то, КАК из «ничего» появляются стихи.

Рождение стиха Ахматова представляет как последовательные этапы, поэтому в тексте использованы синтаксические конструкции, которые начинаются со слов: *но вот; тогда*. Не случайно все глаголы в тексте стоят в настоящем времени – это позволяет читателю быть как бы непосредственным свидетелем творческого процесса.

Ахматова описывает в стихотворении три этапа поэтического творчества. Первый этап – это когда поэт ещё не знает, что выйдет из-под его пера:

Бывает так: какая-то истома;
В ушах не умолкает бой часов;
Вдали раскат стихающего грома.
Неузнанных и пленных голосов
Мне чудятся и жалобы и стоны,
Сужается какой-то тайный круг…

Творец должен погрузиться в некое загадочное состояние.

Эта загадочность подчёркивается неопределёнными местоимениями: *какая-то, какой-то*. Состояние это можно назвать как угодно – трансом, отрешением, но именно в нём возможно соприкосновение с мировым ходом времени (*в ушах не умолкает бой часов*) и с потоком чувств, которыми живут люди нынешнего времени и давно умершие (*неузнанные и пленные голоса*).

Из общего потока «в этой бездне шёпотов и звонов» выделяется один звук (*встаёт один, всё победивший звук*), и начинается второй этап творчества. Эта строчка является композиционным рубежом, чертой, за которой к поэту приходит мысль, вокруг которой потом создаётся стихотворение. «Всё победивший звук» не обязательно понимать буквально – это метафора какой-то мысли, чувства. Главное, что возникновение этого *звука* означает, что замысел будущего стихотворения выношен. А потом происходит его образное воплощение.

Образ может воплотиться только в словах. Поэт объясняет рождение стиха без участия авторской воли. Автор не мучается в поисках ярких образов, нужных слов и удачных рифм – его задача просто услышать *звук*. Но, конечно же, надо быть гением, чтобы услышать его. Вероятнее всего, поэт творит по воле Бога. Именно Бог даёт ему вдохновение и водит его рукой по бумаге. И лишь потом, на последнем этапе творческого пути, к поэту приходят слова и рифмы, чтобы он смог выразить свои мысли, и тогда из-под его руки выходит законченное произведение:

Но вот уже послышались слова
И лёгких рифм сигнальные звоночки, —
Тогда я начинаю понимать,
И просто продиктованные строчки
Ложатся в белоснежную тетрадь.

В первой половине произведения подчёркнуты шум и суета окружающего мира: «бой часов», «раскат стихающего грома», «жалобы и стоны», «бездна шёпотов и звонов». А во второй половине стихотворения всё затихает – становится «непоправимо тихо», так тихо, что слышно, как «в лесу растёт трава» и как «по земле идёт с котомкой лихо».

В стихотворении соединены черты символизма и романтизма. Все образы многозначны: нельзя точно определить, что значат для Ахматовой «неузнанные и пленные голоса», «жалобы и стоны», «какой-то тайный круг». Воссоздаётся атмосфера чего-то

чудесного, таинственного и даже фантастического. Всё это позволяет автору выразить «невыразимое», передать свои глубокие мысли и быть при этом понятой читателями.

Когда поэт рассуждает о процессе творчества, это называется авторефлексией. Стихотворение Ахматовой «Творчество» – авторефлексивный текст.